

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Донатто КАРРИЗИ

Впервые на русском!

ДЕВУШКА В ЛАБИРИНТЕ

Итальянский
король триллера
вновь попадает
в цель.

Oggi

Донатто Карризи
Девушка в лабиринте
Серия «Звезды мирового детектива»
Серия «Мила Васкес», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48379101
Девушка в лабиринте. роман: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб; 2019
ISBN 978-5-389-17472-6

Аннотация

Аномальная жара накрыла город, начисто изменив темп и ритм привычной жизни: только в темное время суток можно работать, двигаться, выживать. И именно среди ночи Саманта Андресetti возвращается из некогда поглотившей ее тьмы. Пятнадцать лет, с тех пор как ее похитили по дороге в школу, она провела в лабиринте, не видела солнца, цветов, деревьев, не смотрелась в зеркало. Молодую женщину помещают в больничную палату. Наблюдающий за ней доктор Грин охотится не за монстрами во внешнем мире, а за сознанием их жертв. Возможно, воспоминания Саманты смогут привести на след того, кто держал ее в заточении, – человека из лабиринта.

Новый роман Донатто Карризи! Впервые на русском!

Содержание

1	5
2	12
3	25
4	34
5	48
6	51
7	63
8	77
9	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Донатто Карризи

Девушка в лабиринте. роман

© А. Ю. Миролюбова, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

© Издательство АЗБУКА®

* * *

Антонио.

*Моему сыну, самому прекрасному из моих
творений*

1

Если для остального человечества утро 23 февраля ничем особенным не выделялось, для Саманты Андретти этот день мог оказаться самым важным в ее молодой жизни.

Тони Баретта захотел с ней поговорить.

Всю ночь Сэм ворочалась в постели, словно одержимая бесами героиня какого-нибудь фильма ужасов, раздумывая, что могло подвигнуть самого красивого мальчика в школе – и во всей вселенной – захотеть поговорить именно с ней и, наверное, именно ей сказать полные смысла слова.

Все началось накануне. Во-первых, просьба не была высказана напрямую и не сам Тони озвучил ее. Среди подростков так не принято, для некоторых вещей существуют определенные ритуалы. Инициатива, разумеется, всегда исходит от заинтересованного лица. Но дальше следует сложная процедура. Тони привлек Майка, своего приятеля, тот сообщил Тине, с которой Сэм сидела за одной партой. А Тина уже передала ей. Простая, немудреная фраза, которая в замкнутом мирке средней школы могла означать очень многое.

– Тони хочет поговорить с тобой, – шепнула ей на ухо Тина во время физкультуры, радостно подпрыгивая, с блестящими глазами – ведь если с тобой случается что-то хорошее, настоящая подруга радуется так, будто это случилось с ней.

– Кто тебе сказал? – тут же спросила Сэм.

– Майк Левин, он меня остановил, когда я шла из туалета.

Если Майк обратился к Тине, значит встреча тайная и такой должна оставаться.

– Но что именно он тебе сказал? – допытывалась Сэм: надо удостовериться, что Тина все правильно поняла, – никто в школе не мог забыть историю бедной Джины Д’Аббращчо, которую прозвали вдовушкой: когда один мальчик спросил, будет ли у нее кавалер на новогоднем балу, она приняла простое любопытство за приглашение и в своем длинном кисейном платье персикового цвета весь вечер простояла вся в слезах, ожидая призрака.

Тина повторила дословно:

– Он сказал: «Передай Саманте, что Тони хочет с ней поговорить».

Разумеется, пока они обсуждали случившееся, Саманта заставляла подругу вновь и вновь повторять эти слова. Просто хотела увериться до конца, что Тина ничего не перепутала, или, может быть, боялась, что какой-нибудь инопланетянин клонировал ее подругу с единственной целью: выставить ее, Саманту, на посмешище.

Было неизвестно, когда и где произойдет этот разговор с Тони, что еще больше угнетало Саманту. Может, в школьной лаборатории или в библиотеке, воображала она. Или за оградой спортивной площадки, где Тони Баретта тренировался в секции баскетбола, а Саманта – волейбола. Только не у входа в школу, не в столовой и не в коридорах, это ис-

ключено – слишком много любопытных глаз и ушей. Однако, если хорошенько задуматься, именно то, что она не знала ничего толком и терзалась сомнениями, и было лучше всего. Сэм не могла бы как следует объяснить, почему после такой простой просьбы ликование в ней странным образом сменялось унынием, ведь предмет разговора мог удивить, а мог и разочаровать, но она была рада – да, рада – тому, что с ней происходило.

Ведь это случилось именно с ней, Самантой Андретти, и ни с кем другим!

Напрасно мать твердила: то, что с тобой случается в тринадцать лет, ты лучше оценишь, когда станешь взрослой и взглянешь на прошлое другими глазами. В данный момент Сэм была счастлива, и счастье это принадлежало только ей, и никто в целом мире не в состоянии его понять или испытать нечто подобное. Это выделяло ее из всех, делало особенной... А может, она, бедняжка, заблуждается и вот-вот расквасит себе нос, столкнувшись с жестокой правдой: вообще говоря, Тони Баретта славился тем, что выставлялся перед девочками.

Все дело в том, что она никогда не думала о Тони. В таком смысле, во всяком случае. Природа только начала в ее теле свою тайную работу, и Сэм уже привыкла к мелким ежемесячным неприятностям, которые придется терпеть большую часть жизни, но еще не могла оценить приятных следствий таких изменений. Саманта не отдавала себе отчета в том, что

она красива, – может, и знала об этом, но не придавала значения. По правде говоря, новые формы, которыми начали интересоваться мальчишки, стали открытием для нее самой.

Это заметил Тони? К этому стремился? Запустить руки ей под майку или – *Господи прости спаси Всевышний* – еще ниже?

Вот почему утром 23 февраля – в знаменательный день! – изнуренная бессонницей Сэм, наблюдая, как лучи рассвета заливают потолок ее комнаты, убедила себя, что Тони Барретта ничего такого не говорил и все это не более чем галлюцинация. Или, может быть, она слишком долго об этом думала и мысль, пройдя через извивы буйной подростковой фантазии, утратила всякую связь с реальностью. Был только один способ узнать, обманывается ли она. Поэтому следовало поднять усталое тело со сбившейся постели, собраться и отправиться в школу.

Итак, не слушая причитаний матери по поводу того, что она почти не притронулась к завтраку – о боже, ей и дышать-то трудно, не то что есть! – Сэм закинула на спину рюкзак и быстро направилась к двери, бесстрашная, но и чуть отрешенная, навстречу неизбежной судьбе.

Без пяти восемь улицы квартала, где жила семья Андретти, были почти пустынные. Те, кто работал, уже давно ушли, бездельники отсыпались после вчерашней попойки, старики дожидались, когда станет теплее, чтобы высунуть нос на улицу, а учащиеся тянули до последней минуты, прежде чем

двинуться в школу. На самом деле для Сэм такое время тоже было непривычно. Она подумала, не зайти ли, как обычно, за Тиной. Но прикинула, что подруга, наверное, еще не готова, а ждать, пока та соберется, не хватало терпения.

Не в такой день.

Пока она шла по тротуару, вымощенному серым кирпичом, ей попался навстречу только посыльный, искавший адрес, по которому следовало доставить товар. Она его даже не заметила, и посыльный тоже едва обратил внимание на спокойную девочку, шедшую мимо, — глядя на нее, никто и вообразить не мог, какая буря бушевала у нее внутри. Сэм прошла мимо зеленого дома Мачински, где противный черный пес носился вдоль ограды, каждый раз нагоняя на нее страх, потом мимо коттеджа, когда-то принадлежавшего госпоже Робинсон, а теперь разваливающегося на части, потому что родственники никак не могли поделить наследство. Обогнула футбольное поле за церковью Божьей Благодати. Был там и сад, и маленькая игровая площадка с качелями, горкой и большой липой, к стволу которой отец Эдвард прикреплял объявления для прихожан. Хотя вокруг царила тишина, улица упиралась в магистраль, по которой к центру города бешено мчались автомобили.

Но Сэм ничего этого не замечала.

Виды, представавшие перед ее глазами, служили чем-то вроде экрана, на котором запечатлелось проецируемое воображением, улыбающееся лицо Тони Баретты. Она шла, слов-

но во сне, ее вела подспудная память о пути, сотни раз пройденном.

Но на полпути к школе Сэм вдруг засомневалась, годится ли ее одежда для свидания. Она надела любимые джинсы со стразами на задних карманах и прорезами на коленках, а под черную дутую куртку, на два размера больше, чем требовалось, белую фуфайку, которую ей привез отец из последней командировки. Но настоящей проблемой были синяки под глазами, проступившие после бессонной ночи. Она попыталась замазать их маминым тональным кремом, но не была уверена, что это получилось: Саманте еще не разрешали пользоваться косметикой и ей явно не доставало опыта.

Саманта замедлила шаг и оглядела машины, припаркованные вдоль тротуара. Сразу отмела серый «додж» и бежевый «вольво», обе были слишком грязные. Наконец разглядела вполне приемлемую. На противоположной стороне улицы стоял белый микроавтобус с зеркальными стеклами. Саманта перешла через дорогу, приблизилась, вгляделась в свое отражение. Но, убедившись, что тональный крем скрыл мешки под глазами, она отошла не сразу. Стояла и смотрела на собственное лицо, обрамленное длинными каштановыми волосами, – Саманта очень любила свои волосы. Гадая, считает ли ее Тони достаточно красивой, Сэм старалась взглянуть на себя его глазами. Что он во мне нашел? И, терзаясь сомнениями, на какой-то миг проникла взглядом за отражающую поверхность.

Не может быть, – подумала она. И взгляделась получше.

По ту сторону стекла, в полутьме, сидел огромный кролик. И глядел на нее, не двигаясь с места.

Саманта могла убежать – внутренний голос говорил ей: беги, да поскорее, – но она не пустилась наутек. Стояла, будто под гипнозом, зачарованная взглядом, исходящим из бездны. *Это все не взаправду,* – твердила она себе. – *Это не со мной!* Жертвы, как правило, не верят, что именно с ними творится нечто немыслимое, и вместо того, чтобы попытаться спастись, необъяснимым образом делают шаг навстречу судьбе.

Девочка и кролик бесконечно долго смотрели друг на друга, будто охваченные каким-то болезненным любопытством.

Потом внезапно дверь микроавтобуса распахнулась, и отражение Саманты исчезло. В момент, когда девичье лицо скрывалось из виду, она не заметила в собственных глазах страха. Скорее, изумление.

Когда кролик тащил ее в нору, Сэм и представить себе не могла, что долго, очень долго не увидит своего отражения.

2

Первыми из темноты явились звуки: будто оркестранты перед концертом настраивали инструменты. Звуки и хаотичные, и упорядоченные, но те и другие еле слышные. Ритмичное попискивание электронных приборов. Шорох колес: каталки движутся туда и сюда, позвякивают пробирки. Негромко взвизгивают телефоны. Шаги, торопливые, но приглушенные. Ко всему этому примешиваются голоса, невнятные и отдаленные, но все же человеческие – как давно она не слышала голосов? Слышала она и свое дыхание. Мерное, но глухое. Будто она дышит в пещере. Но нет: что-то стягивает ей лицо.

Второе, что зафиксировал ее ослабленный рассудок, был запах. Дезинфицирующее средство. И лекарства. Да, подумала она: так пахнут лекарства.

Она попробовала сориентироваться. Тела своего она не ощущала, знала только, что лежит на спине. Глаза закрыты, ведь веки тяжелые, такие тяжелые. Но надо сделать усилие и приподнять их. И поскорее, чтобы то, что должно произойти, не застало ее врасплох.

Следить за опасностью. Это единственный способ.

Голос, только что прозвучавший, исходил изнутри. Не память, инстинкт. Сформировавшийся со временем, через опыт. Ей пришлось научиться выживать. Вот почему,

несмотря на оцепенение, какая-то часть ее сознания была начеку.

Открой глаза – открой эти чертovy глаза! И смотри.

Она чуть-чуть разлепила веки, образовалась узкая щелочка для обзора. Зрачки потонули в слезах, но то не была эмоциональная реакция, плакала она скорее от досады – теперь она редко доставляла удовольствие случай наслаждаться своим отчаянием. На мгновение испугалась, что обнаружит себя в темноте, но вместо того разглядела голубоватый свет, заливающий пространство.

Как будто она – на дне океана. Там уютно, спокойно.

Но это мог быть грязный трюк, она давно испытала на собственной шкуре, насколько опасно доверяться. Когда глаза привыкли к свету, она скосила их в одну, потом в другую сторону, изучая окружающую обстановку.

Она лежала в постели. Голубоватый свет исходил от неоновых ламп на потолке. Вокруг – просторная комната с белыми стенами. Окон нет. Но слева, в глубине, огромное зеркало.

Он не любит зеркал, – снова подсказал голос. Как же такое возможно?

И потом: вот приоткрытая дверь, а за ней освещенный коридор. Оттуда и доносились звуки, которые она расслышала.

Нет, это все неправда. В этом нет смысла. Где я?

Перед дверью сидел человек, спиной к ней, в темной одежде – только это она и могла разглядеть сквозь приоткры-

тую дверь. На боку – пистолет. Что за шутки? Что все это значит?

Только тогда она заметила, что к кровати придвинут столик с микрофоном и записывающим устройством. Рядом – металлический стул, пустой. Но на спинке – пиджак от мужского костюма. Значит, он где-то рядом. Вот-вот вернется. И волна страха захлестнула ее, словно морской прибой.

Только не это, подумалось ей. Страх – вот что вредит настоящему. Нужно отсюда выбираться.

Не так-то это легко, ведь сил почти не осталось. Она попыталась пошевелить руками, раздвинула локти, оперлась о матрас, чтобы приподняться. Длинные каштановые волосы упали на лицо. Тело не слушалось, удалось чуть-чуть оторвать голову от подушки, но она тотчас же завалилась назад. Что-то стягивало лицо: кислородная маска, соединенная с баллоном, висящим на стене. К руке прикреплена капельница. Она сорвала маску, вытащила иглу из вены. Но, оставшись без благотворного газа, почувствовала, что дыхание прерывается. Закашлялась. Попробовала вдохнуть воздух, окружавший ее, но тот был гуще, плотнее, чем свежий ветерок, которым она дышала до сих пор. Перед глазами заплясали черные точки.

Мрак одолевал, но она не желала сдаваться.

Сдернула простыню, покрывавшую ее ниже пояса, и сквозь туман, застилавший глаза, смогла разглядеть трубку, которая выходила из паха и втыкалась в прозрачный ме-

шок, где копилась желтоватая жидкость.

Все еще лежа на спине, она скинула правую ногу с кровати. Но левой что-то мешало. Какой-то груз. И вот, потеряв равновесие, она рухнула – лицом в холодный и твердый пол. Левая нога стукнулась о него с глухим, каменным звуком.

Шум привлек чье-то внимание: она ясно расслышала, как открылась и закрылась дверь. Потом какая-то тень метнулась к ней, что-то звенело у пояса – связка ключей. Тень поставила на пол дымящуюся чашку и подхватила ее под мышки.

– Успокойся, – подбадривал ее мужской голос, пока чьи-то руки поднимали ее. – Спокойно, – повторил незнакомец, бережно неся почти бесчувственное тело. – Ничего страшного.

Она почти задыхалась, теряя сознание. И прислонилась к груди мужчины. От него пахло одеколоном, он носил галстук, и это ей показалось нелепым и бесчеловечным.

Монстры не носят галстуков.

Мужчина водрузил ее на кровать, убрал волосы с лица и надел кислородную маску. Кислород наполнил легкие, она почувствовала себя лучше. Как следует уложив ее, мужчина подsunул подушку под левую ногу, загипсованную от лодыжки до колена.

– Так тебе будет удобнее, – заботливо проговорил он.

Наконец мужчина нащупал вырванную капельницу и снова вогнал иглу в вену. Пока он проделывал все это, она не сводила с него изумленного взгляда.

Она отвыкла от заботы. А главное, от человеческого общества.

И все равно постаралась взглянуться пристальней. Кто-то знакомый? Кажется, нет. Вроде бы лет шестидесяти, атлетического сложения. Круглые очки в темной оправе. Взъерошенные волосы. Кроме связки ключей на поясе, бейджик с фотографией на кармане голубой рубашки. Рукава закатаны до локтей.

Закончив укладывать больную, мужчина поднял с пола дымящуюся чашку и поставил ее на тумбочку рядом с желтым телефонным аппаратом.

Телефон? Не может быть!

– Как ты себя чувствуешь? – спросил мужчина.

Она не ответила.

– Ты можешь говорить?

Она молча воззрилась на него расширенными глазами, готовая в любой момент наброситься.

Он придвинулся ближе:

– Ты понимаешь, что я говорю?

– Это игра? – Голос был хриплый, приглушенный кислородной маской.

– Что? – переспросил он.

Она прочистила горло и повторила:

– Это игра?

– Не знаю, что ты имеешь в виду, извини. – Потом добавил: – Я доктор Грин.

Она не знала никакого доктора Грина.

– Ты в больнице Святой Екатерины. Все хорошо.

Она попыталась вдуматься в его слова, но не получалось.

Святая Екатерина, больница – все это выше ее понимания.

Нет, все совсем не хорошо. Кто ты такой? Чего ты на самом деле от меня хочешь?

– Понимаю, ты выбита из колеи, – проговорил мужчина. – Ничего удивительного: прошло слишком мало времени. – Он замолчал и взглянул на нее с участием.

Никто на меня так не смотрел.

– Тебя доставили сюда два дня назад, – продолжал мужчина. – Ты проспала почти двое суток. Но сейчас ты проснулась, Сэм.

Сэм? Кто такая Сэм?

– Это игра? – спросила она в третий раз.

Мужчина, наверное, уловил замешательство в выражении ее лица, потому что сам забеспокоился:

– Ты ведь знаешь, кто ты такая, правда?

Она на минуту задумалась, боялась отвечать.

Мужчина выдавил из себя улыбку:

– Ну ладно, всему свое время... Как думаешь, где ты сейчас?

– В лабиринте.

Грин бросил быстрый взгляд на зеркало, потом повернулся к ней:

– Я ведь говорил, что мы в больнице. Ты не веришь мне?

– Не знаю.

– Уже кое-что, и на том спасибо. – Он устроился на металлическом стуле, подался вперед, опершись локтями о колени и переплетя пальцы: поза, вызывавшая на откровенность. – С чего ты взяла, что мы в лабиринте?

Она огляделась:

– Нет окон.

– Это странно, ты права. Но видишь ли, это особая палата: мы в ожоговом отделении. Тебя поместили сюда потому, что твои глаза отвыкли от естественного света, он мог тебе повредить так же, как пострадавшему от ожогов. Оттого и ультрафиолетовые лампы.

Оба подняли глаза к голубым неоновым трубкам.

Потом мужчина развернулся к зеркальной стене.

– Отсюда врачи и родственники могут наблюдать за пациентом, не рискуя занести инфекцию... Знаю, это похоже на комнату для допросов в полицейском участке вроде тех, которые показывают по телевизору или в кино, – попробовал он пошутить. – На меня эта палата производит именно такое впечатление.

– Он не любит зеркал, – вырвалось у нее непроизвольно.

Доктор Грин посерьезнел:

– Кто – он?

– Зеркала под запретом. – В самом деле, она до сих пор так и не решалась взглянуть налево.

– Кто запретил зеркала?

Она ничего не ответила, подумав, что молчание говорит само за себя. Мужчина вновь устремил на нее сочувственный взгляд. Мягкий, ласкающий – но что-то в ней не покорялось, и ярость поднималась изнутри. Она еще ни в чем не была уверена.

Не так-то легко обвести меня вокруг пальца.

– Ладно, давай рассуждать здраво, – проговорил Грин, не дожидаясь ответа. – Если зеркала под запретом, а здесь у нас есть зеркало, значит ты уже не в лабиринте. Верно?

В его словах вроде бы не ощущалось подвоха. Но после стольких обманов – стольких *игр* – было нелегко даже попытаться кому-то поверить.

– Ты помнишь, как попала в лабиринт?

Нет, она даже этого не помнила. Она осознавала, что существует нечто «снаружи», но, насколько ей было известно, она всегда находилась внутри.

– Сэм, – он снова произнес это имя, – настал момент кое-что прояснить, потому что у нас, увы, мало времени.

О чем это он?

– Хотя мы и в больнице, я не совсем доктор. В мою задачу не входит тебя лечить, твоим здоровьем занимаются люди гораздо более компетентные. Моя работа – искать злодеев вроде того, который похитил тебя и держал пленницей в лабиринте.

Похитил? О чем он говорит?

У нее кружилась голова, она не была уверена, что хочет

слушать дальше.

– Знаю, это мучительно, но мы должны это сделать. Только так мы сможем остановить его.

Что значит «остановить»? Вовсе не факт, что она этого хочет.

– Как я сюда попала?

– Возможно, тебе удалось бежать, – заторопился Грин. – Позапрошлой ночью полицейский патруль нашел тебя на дороге у пустоши, вблизи болот. – Он помолчал и добавил: – Судя по ссадинам, ты бежала через лес.

Она оглядела свои руки, покрытые мелкими ранками.

– Это настоящее чудо, что тебе удалось выбраться.

Она ничего не помнила.

– Ты была в шоке. Полицейские доставили тебя в больницу и положили в отделение. Подняли заявления о пропавших без вести и установили твою личность... Саманта Андретти.

Он сунул руку в карман пиджака, висевшего на спинке стула, вытащил оттуда листок и вручил ей.

Она взгляделась. То была листовка с фотографией улыбающейся девчушки: каштановые волосы, карие глаза. Под фотографией красными буквами было набрано:

ПРОПАЛА БЕЗ ВЕСТИ.

Под ложечкой засосало.

– Это не я, – сказала она, возвращая листок.

– Ничего, это нормально, то, что ты сейчас так говоришь, – кивнул Грин. – Но не переживай: ты далеко про-

двинулась с тех пор, как тебя нашли. Чтобы усмирить тебя и держать под контролем, похититель вводил тебе наркотики, гипнотические вещества, их в изрядном количестве обнаружили в твоей крови. – Он показал на капельницу. – Тебе сейчас вводят что-то вроде противоядия. И это сработало, ведь ты пришла в себя. Скоро и память вернется.

Ей хотелось в это верить – *боже, как бы хотелось.*

– Ты в безопасности, Сэм.

Услышав эти слова, она ощутила какой-то небывалый покой. «В безопасности», – повторила про себя. Почувствовала, как в углу глаза набухает слезинка. Лучше бы ей там и оставаться, не сползать по щеке: расслабляться нельзя, нужно быть настороже.

– Но мы, к сожалению, не можем ждать, пока ты полностью восстановишься, вот почему я здесь. – Мужчина пристально взглянул на нее. – Ты должна мне помочь.

– Я? – изумилась она. – Чем я могу вам помочь?

– Припомнить как можно больше деталей, даже самых незначительных. – Он снова кивнул в сторону зеркальной стены. – Там, за зеркалом, офицеры полиции, они будут присутствовать при нашей беседе и передадут все, что сочтут необходимым, агентам, которые там, снаружи, ловят твоего похитителя.

– Не знаю, смогу ли я. – Она устала, ей было страшно и хотелось только одного: отдохнуть.

– Послушай, Сэм, разве ты не хочешь, чтобы этот человек

заплатил за то, что сделал с тобой? А главное, ты ведь не хочешь, чтобы он сотворил то же самое с кем-то еще?..

Тут слезинка все-таки скатилась по щеке, остановившись у края кислородной маски.

– Как ты поняла, я не полицейский, – продолжал мужчина. – У меня нет пистолета, я не гоняюсь за преступниками и не подставляю себя под пули. У меня, по правде говоря, на это и духу не хватит. – Он посмеялся над собственной шуткой. – Но в одном могу тебя заверить: мы его поймаем вместе, я и ты. Он этого не знает, но есть место, откуда ему не удастся сбежать. Там-то мы и станем его преследовать: не снаружи, а внутри, в твоём уме.

Последняя фраза доктора Грина заставила ее содрогнуться. Не желая себе в этом признаваться, она всегда знала, что *он* внедрился в ее сознание наподобие паразита.

– Ну, что скажешь? Ты доверишься мне?

После минутного колебания она протянула руку.

Грин одобрительно кивнул, потом снова вручил ей листовку:

– Молодец, храбрая моя девочка.

Пока она разглядывала фотографию, пытаясь привыкнуть к этому лицу, доктор повернулся к столику с микрофоном и включил записывающее устройство.

– Сколько тебе лет, Сэм?

Она впилась взглядом в фотографию:

– Не знаю... Тринадцать? Четырнадцать?

– Как думаешь, Сэм, сколько времени ты провела в лабиринте?

Она покачала головой:

– Понятия не имею.

Доктор Грин что-то записал.

– Ты уверена, что совсем не узнаешь себя на этой фотографии?

Она еще пристальней вгляделась в изображение.

– Волосы. – Она поправила выбившуюся прядку. – Я их обожаю.

Там, в лабиринте, я любила проводить время, ухаживая за волосами.

Воспоминание пришло внезапно, как озарение, явившееся неизвестно откуда.

Я их расчесываю пальцами, чтобы убить время в ожидании новой игры.

– Что-нибудь еще?

Я бы хотела зеркало. Но он не дает. В ней зародилось сомнение.

– Я... красивая? – робко спросила она.

– Да, красивая, – ласково ответил мужчина. – Но должен сказать тебе откровенно... Я знаю, почему он запрещал зеркала.

Сердце вдруг сжалось от тоски, от тревожного предчувствия.

– Я хочу, чтобы ты повернулась к левой стене и посмот-

рела сама...

В наступившей тишине она слышала только свое учащенное, судорожное дыхание: опять не хватало кислорода. Она посмотрела доктору Грину в глаза, чтобы понять, следует ли бояться. Но он выглядел невозмутимым. Она поняла, что это испытание и его никак не избежать. И стала медленно поворачивать голову на подушке. Резиновая маска впилась в щеку.

Сейчас я увижу девочку с листовки и не узнаю себя, подумалось ей. Но действительность оказалась в тысячу раз хуже.

Найдя себя в зеркале, она не сразу поняла, что за образ возвращается к ней.

– Тебя похитили февральским утром, когда ты шла в школу, – объяснил доктор.

Отраженная в зеркале постаревшая девочка с каштановыми волосами горько расплакалась.

– Мне очень жаль, – сказал Грин. – Это случилось пятнадцать лет назад.

«...пятнадцать лет без известий, без единой зацепки, без надежды. Пятнадцать лет молчания. Долгий-долгий кошмар, который закончился неожиданно счастливо. Ведь до позавчерашнего дня никто и вообразить себе не мог, что Саманта Андретти еще жива...»

Бруно смотрел выпуск теленовостей и старался расслышать слова журналиста, который вел репортаж у въезда в больницу, но ему мешал старик Квимби: он колотил палкой от швабры по висевшему в баре старому кондиционеру, надеясь таким образом заставить его работать.

– Господи, Квимби, да прекратишь ли ты? Вряд ли эта штука исправится оттого, что ты ее поколотишь палкой. – Гомес, один из самых упорных завсегдатаев бара, подал голос из отдельной кабинки в глубине зала.

– Что ты, на хрен, смыслишь в кондиционерах? – раздраженно буркнул бармен.

– Тебе следовало бы раскошелиться, чтобы твои клиенты дышали свежим воздухом, вот что я смыслю, – убежденно проговорил взмокший от пота толстяк, выбирая из батареи стоявших перед ним пивных бутылок недопитую и поднося ее ко рту.

– Конечно, я бы так и сделал, если бы все в этом заведении исправно платили.

Оживленные дискуссии между Квимби и клиентами были привычны для посетителей. Но в данный момент, кроме Гомеса, в баре находился только Бруно Дженко, которому было не до завязавшейся перепалки.

Дженко сидел на табурете у стойки, сжимая в руке стаканчик текилы, и не сводил глаз с экрана телевизора, стоявшего на верхней полке. Лопасты вентилятора над его головой разгоняли горячий, влажный воздух, пропитанный сигаретным дымом. Спиртное не успело еще перебить гадкий вкус во рту, оставшийся с тех пор, как полчаса тому назад его вывернуло наизнанку за баром, в глухом переулке. В туалет он не пошел, не желая, чтобы кто-то догадался, насколько ему плохо.

Но выглядел он ужасно, и тошнота грозила вот-вот вернуться, но он вдруг вспомнил о содержимом правого кармана своего льняного пиджака.

Талисман.

Дженко отвел взгляд от экрана и одним глотком осушил стакан. Все от жары, подбадривал он себя, прогоняя воспоминание. Никто не должен знать. И, не обращая внимания на перебранку, удары шваброй и рычание кондиционера, он пытался сосредоточиться на том, что говорилось по телевизору.

Новость о появлении Саманты Андретти вот уже сорок восемь часов била все рекорды на местных и центральных каналах, отодвинув на второй план даже волну аномальной

жары, которая захлестнула регион, с температурой воздуха и уровнем влажности, ни разу не зарегистрированными прежде.

«...Согласно неофициальным источникам, в настоящее время двадцативосьмилетняя Саманта Андретти получает психологическую помощь от специалиста, и есть надежда, что вскоре она предоставит данные, которые помогут задержать монстра, похитившего ее и державшего в заточении... По некоторым сведениям, в ближайшее время расследование должно сдвинуться с мертвой точки...»

– Да прямо: что они там знают, на телевидении. – Квимби махнул рукой в сторону экрана, как бы стирая начисто и изображение, и всех журналистов, вместе взятых. Потом занял свое место за стойкой. – Переключишь на другой канал – и там та же песня. Уже пятый или шестой раз за утро слышу одно и то же: расследование, дескать, продвигается – ведь больше им и сказать-то нечего.

– Готов поспорить: было бы чем похвастаться, они бы наперебой выступали перед журналистами, – заметил Бруно.

– Начальник полиции держит расследование в секрете, чтобы сукин сын, которого они ищут, ни о чем не пронюхал заранее... Если его не поймают, кто-то за это поплатится: надо же, столько лет в полиции даже не подозревали, что Саманта Андретти еще жива. Хорошенькое дело. – Квимби осекся, от внезапного осознания того, что происходит, его пробрала дрожь. – Господи боже, пятнадцать лет... В голове

не укладывается.

– Ага, – кивнул Дженко, встряхивая пустой стакан.

Квимби достал бутылку текилы и налил ему еще порцию желанного лекарства.

– Вопрос в том, как ей удалось выжить...

Бруно Дженко знал ответ, но говорить не хотел. Может быть, и Квимби не хотел бы это услышать. Дело в том, что бармен, как и большинство нормальных людей, хотел верить в сказочку о храброй героине, которой удалось выстоять и в конце концов убежать от монстра. Но в действительности это произошло только потому, что так захотел ее тюремщик. В его намерения явно не входило ее убивать. Он кормил ее и следил, чтобы она не заболела.

Иными словами, заботился о ней.

День за днем лелеял с болезненной нежностью. Как зверька в зоопарке, сказал себе Бруно, поднося к губам стакан с текилой. Мы можем проявлять доброту по отношению к животным, но в глубине души знаем, что их жизнь ценится меньше, чем наша. И Саманта Андретти испытала на себе всю жестокую силу такого лицемерия. Она была зверьком в клетке, которого любят, которым восхищаются. Иметь власть над ее жизнью и смертью – вот чем тешился похититель, вот в чем находил выход его садизм. Каждый день он позволял ей жить дальше. По этой причине наверняка считал себя благородным, даже великодушным. А может, монстр и был прав. Ведь, по сути, он ее защищал от себя са-

мого.

Но обо всем этом обычные люди даже и не догадывались. Им не приходилось бывать в тех кругах ада, куда спускался Бруно. Поэтому он им сочувствовал и, как правило, не мешал свободно высказываться. Ведь в их речах, в болтовне порой проскальзывала ценная информация, которая могла помочь в расследовании.

Для всех Бруно Дженко был частным сыщиком. На самом деле его ремесло заключалось в том, чтобы слушать.

«Кью-бар» идеально подходил для того, чтобы улавливать разговоры, нескромные намеки или попросту сплетни. Это заведение стало излюбленным местом для блюстителей закона с тех самых пор, как лет двадцать тому назад лейтенант Квимби во время обычной облавы схлопотал пулю в почку. Досрочная отставка, конец карьере – но на страховку он обустроил этот паб. С того времени всякий раз, когда полицейским нужно было что-то отпраздновать – выход коллеги на пенсию, рождение наследника, диплом или годовщину, – они собирались в «Кью-баре».

Хотя Бруно никогда не носил мундир, он так часто бывал в заведении, что его считали своим. Конечно, ему приходилось терпеть издевки и шуточки. Но что поделаешь: такую цену приходилось платить за возможность собирать информацию, которая могла оказаться полезной в его работе. Квимби был его основным осведомителем. Все полицейские, даже бывшие, знают, что не следует доверять частным сы-

щикам. Но старик откровенничал не ради какой-то выгоды. То был вопрос престижа. Возможно, делясь секретными сведениями с гражданским лицом, он чувствовал, что все еще принадлежит к корпорации. Разумеется, Бруно никогда не вызывал Квимби на разговор: задай он бывшему полицейскому прямой вопрос, тот не сказал бы ни слова. Он всего лишь располагался в заведении, иногда просиживая там часами, дожидаясь, пока кто-то другой заведет разговор.

Как и в тот день.

Но сегодня все по-другому, осталось слишком мало времени.

В ожидании он сунул руку в карман пиджака, чтобы вытащить платок и отереть вспотевший затылок. Пальцы нащупали сложенный листок бумаги – Бруно называл его талисманом, поскольку никогда с ним не расставался. Желудок обожгло огнем, Бруно испугался, что его снова вырвет.

– Вчера сюда заходили Бауэр и Делакруа, перед внеочередным дежурством, – внезапно проговорил Квимби.

Бруно поборол тошноту и забыл о листке: на полицейских агентов, о которых упомянул бармен, было официально возложено дело Саманты Андретти. Ну наконец-то, порадовался он про себя. Пришлось долго сидеть здесь, но часы ожидания окупились.

В самом деле, упомянув Бауэра и Делакруа, бармен подлил текилы в стакан, хотя его об этом и не просили. Верный знак, что ему хочется поговорить. Квимби нагнулся над

стойкой.

– То, что к девочке приставили специалиста, вроде бы верно: крутой профайлер¹, эксперт по серийным убийцам, которого нарочно откуда-то пригласили, – продолжал он. – Он использует не совсем обычные методы...

Дженко знал, что, согласно статистике, пережить плен у психопата практически невозможно. Но если такое случилось, в распоряжении полиции оказывался ценный свидетель, к тому же способный предоставить доступ ко всем извивам сложной преступной натуры. К запутанным многообразным фантазиям, неудержимым порывам, инстинктам и непотребным извращениям. Поэтому и призывали профессионала, чтобы тот прощупал рассудок Саманты Андретти.

Бруно отметил, что Квимби говорит о ней так, будто ей все еще тринадцать лет. Не он один. Многие, даже на телевидении, называли ее девочкой или девчушкой. Это неизбежно, ведь в памяти людей осталась последняя фотография, которую распространяли повсюду сразу после исчезновения. И все же, хотя СМИ пока не добрались до нынешнего ее облика и не растиражировали его, Саманта уже взрослая женщина.

– Девочка все еще в шоке, – доверительно шепнул Квимби. – Но в Управлении надеются на лучшее.

Бруно не хотел казаться слишком любопытным, но был

¹ *Профайлер* – специалист по выявлению лжи, который оценивает и прогнозирует поведение человека по его действиям, мимике, жестам и словам.

уверен, что бармен знает больше:

– В каком смысле – на лучшее?

– Ты знаешь Делакруа: молчун, спокойный, уравновешенный... Но Бауэр уверен: они вот-вот схватят ублюдка.

– Бауэр – трепло, – заметил Бруно равнодушным тоном и снова уставился в телевизор.

Квимби заглотил наживку:

– Да, но они, кажется, взяли след...

Взяли след? Возможно ли, что Саманта уже сообщила им какую-то важную подробность?

– Я слышал, будто они ищут место, где похититель держал жертву, – проговорил Бруно рассеянно, как бы просто поддерживая разговор. – Полицейские окружили пустошь, на юге, у болот. Там патрульные и наткнулись на Саманту, верно?

– Так и есть... Поставили заграждение и никого не пропускают. Держат ротозеев на расстоянии.

– Им ни за что не найти того места. – Бруно нарочно разыгрывал из себя скептика, чтобы собеседник счел своим долгом его разубедить. – Раз его не обнаружили за пятнадцать лет, оно вряд ли бросается в глаза.

– Саманта Андретти передвигалась пешком, к тому же со сломанной ногой; значит, после побега ей не пришлось далеко идти, верно? – Квимби явно злился оттого, что ему не верят.

Сыщик решил бросить кость бывшему полицейскому, по-

льстить его задетому самолюбию:

– По-моему, девушка – ключевая фигура: если она пойдет на контакт, можно надеяться, что монстра поймают.

– Пойдет, – уверенно проговорил Квимби. – Но у них есть еще кое-что в запасе...

Значит, не девушка навела их на след. Тогда кто? Бруно молча сделал глоток. Стратегическая пауза: бармену нужно дать время, чтобы он решил, рассказывать ли все до конца.

– История о том, как ее нашли, не совсем совпадает с версией, которой позволили просочиться в прессу, – заявил Квимби. – Патруль, обнаруживший на обочине дороги раздетую девушку со сломанной ногой, оказался там не случайно...

Бруно быстро прикинул, что следует из этой информации. Зачем скрывать обстоятельства, при которых обнаружили девушку? Что следовало утаить?

– Полицейских предупредили, – предположил он. – Кто-то подсказал, где найти Саманту.

Квимби молча кивнул.

– Добрый самаритянин, стало быть.

– Анонимный звонок, – поправил его бармен.

Дженко ступил на порог «Кью-бара», и жара тотчас же вцепилась в него, стиснув голову, шею, плечи. Зной казался живым: невидимый хищник, от которого не было спасения. Бруно с трудом дышал, но все равно сунул сигарету в рот, прикурил и стал дожидаться, пока никотин окажет свое действие.

Как теперь ему может повредить никотин?

Бруно огляделся. К трем часам дня улицы в центре опустели. Непривычное зрелище в такой час, в таком районе и к тому же в выходной. Магазины и офисы закрыты. Ни одного прохожего. Призрачная тишина. Только светофоры бессмысленно продолжали регулировать движение на улицах, свободных от машин.

По причине запредельно высоких температур власти, охраняя здоровье сограждан, были вынуждены прибегнуть к чрезвычайным мерам. Жителям рекомендовалось спать днем и выходить из дому только в темное время суток. Чтобы переход на новый режим прошел безболезненно, были изменены графики дежурств полицейских, пожарных и персонала больниц. Все учреждения открывались ближе к концу дня и закрывались на рассвете. Даже суды начинали работу в вечерние часы. Предприятия и фирмы приспособились к переменам: около восьми вечера толпы рабочих и служащих спе-

шили на работу, как в обычный час пик. Никто не жаловался. Напротив: в универмагах и мелких лавочках наметился подъем в делах, поскольку люди с нетерпением дожидались прохлады, чтобы покинуть дома. Едва солнце начинало клониться к закату, они вылезали из своих нор, будто крысы.

Уже около недели дни начинались на закате.

Погода сошла с ума, сказал себе Бруно, вспоминая то, что случилось в прошлом году в Риме, когда сильная гроза обрушилась на город, вызвав блэкаут и опустошительное наводнение. Последствия загрязнения окружающей среды, глобального потепления и в целом похабного отношения к планете. Много ли нужно времени, чтобы проклятый человеческий род истребил себя, сам того не замечая? Беда, и только. Но тут он вспомнил о талисмане, который лежал в кармане пиджака, и рассудил, что, по сути, эта проблема больше его не касается.

Поэтому решил, наплевав на все, внести свой вклад во всеобщее запустение: сделал пару затяжек, бросил сигарету на раскаленный тротуар и раздавил подошвой. Потом направился к машине, припаркованной за углом.

Анонимный звонок.

Ведя подержанный «сааб» по пустынным улицам, Дженко обдумывал информацию, полученную от Квимби. Кондиционер в машине уже много лет не работал, и Бруно держал окна открытыми. Волны горячего воздуха накрывали его, потом откатывались: казалось, он едет сквозь пожар. Бруно бы-

ло нужно пристанище, не для того, чтобы укрыться от жары, а для того, чтобы поразмыслить спокойно. *Хватит ломать голову, тебя это не касается.* Но его мучило сомнение. Кто позвонил в полицию? Почему информатор сам не оказал помощь Саманте? Почему не назвал свои координаты? Этот неизвестный мог сделаться героем дня, но предпочел остаться в тени. Чего он боялся? Или – что хотел скрыть?

Дженко знал, что не в силах рассуждать здраво. Перебрал текилы, а может, мешает проклятый листок в кармане. Он мог затвориться в гостиничном номере, который снял неделю назад, продолжить пьянку, начатую в «Кью-баре», и погрузиться в глубокий сон, надеясь не проснуться.

Это не пройдет безболезненно, старик, смирись.

Он решил, что оставаться одному не стоит. Но в таком его состоянии Бруно мог вытерпеть только один человек.

Когда Линда открыла дверь, Бруно понял по выражению ее лица, что вид у него ужасный.

– Боже правый! Ты сошел с ума – ходить по улицам на такой жаре, – рассердилась она, затаскивая его внутрь. – Еще и напился, – добавила, скривившись от отвращения. Его бледность и круги под глазами Линда приписывала аномально высокой температуре воздуха и алкоголю.

Дженко не стал ее разубеждать:

– Можно войти?

– Ты уже вошел, идиот.

– О'кей, могу я посидеть у тебя немного или ты занята? – Его одежда от пота промокла насквозь, голова кружилась.

– У меня клиент через час, – отвечала она, запахивая на бронзовом теле синее шелковое кимоно. Вырез открывал маленькие крепкие груди.

– Мне нужно полежать несколько минут, этого хватит. – Бруно двинулся в комнату, высматривая диван. В отличие от «Кью-бара», кондиционер работал, жалюзи были опущены, и все тонуло в приятной полумгле.

– От тебя, знаешь ли, несет блевотиной. Надо бы и душ принять.

– Не хочу доставлять тебе столько хлопот.

– Ты доставишь мне больше хлопот, если провоняешь квартиру.

Бруно уселся на белый, под цвет паласа, диван, который царил в гостиной среди мебели, покрытой черным лаком, и множества единорогов. Те были повсюду, в самых разных формах – постеры, статуэтки, мягкие игрушки; даже заключенные в стеклянных шарах, где все время идет снег. Истинная страсть Линды. «Я – единорог, – сказала она о себе как-то раз. – Прекрасное создание из легенды: никто в здравом уме никогда не признается, что верит в единорогов, но люди веками искали их и ищут до сих пор, надеясь, что они существуют».

В одном Линда была права. Она настоящая красавица. Поэтому мужчины всегда искали ее. И готовы были дорого

платить за ее любовь.

– Иди сюда, давай помогу, – предложила она, видя, что Бруно даже не в силах снять с себя пиджак. Линда стянула с него мокасины, уложила на диван, взбила подушку и под-
сунула ему под голову. Ласково прикоснулась ко лбу:

– Да у тебя температура.

– Это все от жары, – соврал он.

– Пойду принесу холодной водички, при такой духоте организм обезвоживается... Особенно если пить текилу среди бела дня, – ворчала она. – А эту тряпку положу в сушилку, – добавила Линда, подбирая льняной пиджак. – Может, вони поубавится. – И она исчезла в коридоре.

Бруно глубоко вздохнул. Голова раскалывалась, все тело ныло. И хотя он не хотел в этом признаваться, мучил страх. Уже несколько недель он засыпал с трудом. Стресс пожирал его, и когда организм уже не справлялся с тревогой, Бруно мгновенно проваливался в небытие. Не засыпал – сдавался. В самом деле, максимум через полчаса забвения он возвращался к реальности и вспоминал, что судьба его предрешена.

Он мог поговорить об этом с Линдой, разделить с ней груз. Возможно, это облегчило бы душу. Собственно, он и шел сюда за этим, чего греха таить. Линда не просто добрая подруга. Хотя между ними существовал барьер, который они так и не преодолели, она была для него самым близким человеком, почти женой.

К тому времени, когда шесть лет назад Линда позвонила

в слезах, прося о помощи, она уже долгое время занималась проституцией, но тогда звалась Майклом. Преображение не завершилось, прекрасная женщина все еще оставалась заточенной в мужском теле, и легкая щетина обрамляла ангельское лицо – высокие скулы, полные губы, синие глаза. Майкл обратился к Бруно, чтобы тот оградил его от преследований клиента. В то время транссексуал отдавался за гроши и шел с кем попало. И наткнулся на типа, который сначала вступал с ним в сношение, а потом избивал, вопя, что его принудили к противоестественному акту. Но все время возвращался, отыскивал его, каялся. И все начиналось сызнова, каждый раз с одним и тем же эпилогом.

Майкл не знал, как долго еще сможет это выдержать. Он пытался отделаться от преследователя, но безуспешно. Становилось все труднее замазывать синяки. Бедняга был до смерти напуган.

Работая в аду, Бруно легко мог себе представить, чем все это кончится. Транссексуалы – излюбленные жертвы людей, склонных к насилию, и неудачников, пропитанных желчью. И, заглянув в глаза Майкла, частный сыщик сразу понял, что положение серьезное и никакая полиция тут не поможет. Если он не вмешается, этот хрупкий испуганный ангел наверняка умрет.

Чтобы заставить преследователя исчезнуть, недостаточно угрозы или даже побоев; наваждение не одолеть физической болью, это все равно что во время пожара пытаться загово-

ритель пламя. Самым надежным способом остановить того человека было убить его, но Дженко не промышлял убийствами, поэтому он выработал план. Поскольку тот тип был брокером в известном инвестиционном банке, Бруно заплатил хакеру, чтобы тот вошел в базу данных и перевел крупные суммы со счетов инвесторов на личный счет обидчика. После оставалось дожидаться, когда кто-нибудь обнаружит кражу. Того мужчину осудили на десять лет за мошенничество и незаконное присвоение денег. В тюрьме он сможет дать волю своим инстинктам или оказаться во власти инстинктов чужих. Майкл наконец-то освободился.

– Что это значит?

Голос Линды чуть дрогнул, и, даже не глядя на нее, Бруно сразу понял, что она расстроена. Слегка повернул голову и увидел, как она застыла на пороге, перебросив через руку льняной пиджак и вглядываясь в листок. Все сразу стало ясно: перед тем как положить одежду в сушилку, она очистила карманы, чтобы не испортить содержимое.

– Что это такое?

Бруно немного приподнялся. Ну вот, приехали, сказал он себе. Он ни с кем не говорил об этом, боясь, что написанное воплотится, станет реальностью. Если же слова останутся на бумаге, не вырвутся за пределы листка, есть еще надежда, что все обойдется.

Нет, никакой надежды нету.

– Это талисман, – ответил Бруно.

Но Линда, кажется, растерялась вконец.

– Знаешь, что такое талисман? Это оберег, предмет, которому мы приписываем магическую силу. Вроде твоих единорогов.

– Что ты несешь, Дженко? – Она разозлилась. – Здесь написано, что ты скоро умрешь...

Он понял, в чем дело. Обнаружив, что это медицинская справка, Линда быстро пробежала текст, но, запутавшись в медицинских терминах, стала отчаянно искать ответа. И нашла в последней строке. Два слова.

«Прогноз: неблагоприятный».

То же самое случилось с Дженко, когда он скользил глазами по документу. Все, что написано, не в счет, кроме последней строчки. В справке могло быть написано что угодно. Какая, в сущности, разница? Те слова относились к ушедшему времени, а прошлое уже потеряло значение, жизнь, которая длилась до данного момента, утратила смысл. Эти два слова, холодные, официальные, ставили предел. Больше ничего не будет так, как раньше.

– Что происходит? – Она испугалась по-настоящему. – Почему?

Бруно встал, пошел ей навстречу: она сама не могла даже сдвинуться с места. Взял листок у нее из рук и повел к дивану.

– Сейчас я попробую тебе все объяснить, но ты должна меня выслушать. Хорошо?

Линда кивнула, едва сдерживая слезы.

– Я подцепил инфекцию. – Бруно похлопал себя по грудной клетке. – Бактерия проникла в околосердечную сумку, сам не знаю как, да и врачи не знают. – Какой-то монстр, кто-то чужой пожирал его сердце. – Они говорят, что ничем помочь нельзя, болезнь обнаружили слишком поздно.

Линда перебила его:

– Ты должен лежать в больнице. Они должны хотя бы попробовать... Они не могут оставить тебя умирать просто так, ничего не предпринимая. – Она сорвалась на крик, пронзительный, почти истеричный.

Бруно стиснул ей руки, покачал головой. Не хватило духу признаться, что, когда он спросил, существует ли какое-то лечение, врач посоветовал хоспис. Но Дженко не хотел затвориться там, куда отправляются лишь затем, чтобы умереть.

– Хорошо еще, что это случится внезапно, я практически ничего не почувствую. Что-то оборвется в груди, и через несколько секунд меня не станет. Как выстрел из пистолета. – Невидимая пуля, направленная прямо в сердце, – нельзя сказать, чтобы сравнение ему не нравилось.

– И сколько времени... – Ей нелегко было задать вопрос. – То есть как долго...

– Два месяца.

– Всего? – Линда была потрясена. – И как давно ты это узнал?

– Два месяца назад, – выпалил он, не задумываясь.

Новость ошеломила Линду. Она не в силах была произнести ни слова.

– Срок истекает сегодня. – Бруно рассмеялся, но к горлу подступил шершавый ком, а под ложечкой засосало от страха. – Любопытная вещь: до вчерашнего дня передо мной был какой-то предел, оставалось только дожидаться конца обратного счета. Но с сегодняшнего дня... Что будет начиная со дня сегодняшнего? – Опустив голову, Бруно устоял в пол невидящими глазами. – Я себя чувствую как приговоренный к смерти, которому не сообщили время казни. – Он снова рассмеялся, на этот раз от души. – Вчера вечером я все время смотрел на часы, ждал полуночи. Как Золушка, представляешь? Вот идиот... – На самом деле Бруно был взбешен: шестьдесят дней он готовил себя к решающему моменту. А теперь уже не существовало никаких правил. Дальнейшие события во власти безмолвной анархии. – Вот почему этот листок – мой талисман, – заключил он, аккуратно складывая справку. – Он меня оберегает от хаоса. Ведь можно сойти с ума, ожидая смерти.

Но Линда не в состоянии была мыслить трезво.

– И ты только теперь говоришь мне об этом?

– Мне даже самому себе было трудно признаться... Если бы я открылся кому-то еще, написанное обернулось бы правдой: я вот-вот должен был умереть. – Он поправился: – Я *должен* умереть. Или уже умер, это как рассудить. – Ин-

тересная философская проблема. Когда человек начинает умирать? Когда подхватывает смертельную болезнь или когда ее обнаруживает?

Линда встала с дивана.

— Я сейчас позвоню в пару мест и отменю свидания. Сегодня ты останешься здесь и не сдвинешься с места, — заявила она с невесть откуда взявшейся решимостью.

Бруно осторожно взял ее за руку.

— Я не умирать сюда пришел, хотя в целом это может случиться в любой момент. — Он пытался снять напряжение, избавить ее от чувства вины.

— Тогда зачем? Попрощаться со мной? — Она явно была обижена, раздражена.

Бруно подошел, поцеловал ее в лоб:

— Понятно: ты боишься, что я засуну себе в рот дуло пистолета и покончу со всем быстро, без ожидания. Признаюсь, эта мысль приходила мне в голову, и я не исключаю, что так и будет, если ждать придется слишком долго. Но, удерживая меня здесь, ты не избежишь худшего, ведь худшее уже прописано в этом листке.

— Ты не заставишь меня смириться, понимаешь?

Зная, как Линда любит его, он понимал.

— Ты слышала в теленовостях о женщине, которой двое суток назад удалось бежать от похитителя, державшего ее в заточении пятнадцать лет?

— Да, но как это связано с тобой?

– Я подумал, что если девчушка тринадцати лет столько времени выдерживала весь этот ужас, возможно все... Даже чудо.

Линда глядела на него в смятении.

– Нет, я не думаю, что исцелюсь, – заявил он, отменяя все иллюзии. – Но может быть, это не случайно произошло именно сейчас...

Анонимный звонок, вспомнил он. Но нельзя открывать Линде то, что нашептал ему Квимби.

– Обещай, что не убьешь себя...

– Не могу. Могу только заверить, что в данный момент это последняя мысль, какая приходит мне в голову. – Тут Бруно внезапно сменил тему. – Окажи мне любезность, – попросил он. – Неделью назад я снял номер в отеле «Амбрус», маленькой гостиничке у железнодорожного моста. – Он вынул из бумажника визитную карточку. – Номер сто пятнадцать, оплачен еще на семь дней. – На самом деле он не рассчитывал так долго занимать номер. А перебрался туда из страха, что, умри он дома, никто не найдет его труп. Сама мысль о том, что он будет медленно гнить на полу, поскольку у него нет ни друзей, ни родных, которые поинтересовались бы его судьбой, ужасала Бруно. В гостинице все проще. Однажды утром горничная войдет в номер и обнаружит его бездыханным. Но Линде он не стал открывать эту часть плана. – В комнате сейф, шифр одиннадцать-ноль-семь.

– Дата моего рождения, – удивилась она.

– Знаю: поэтому его и выбрал. А теперь послушай хорошенько: когда ты узнаешь, что... – Закончить фразу не получилось. – Одним словом, когда случится то, что должно случиться, пойди туда и заberi то, что лежит в сейфе... Ты найдешь там запечатанный пакет.

– И что в нем?

– Не важно что, это тебя не касается, – одернул ее Бруно. – Ты никоим образом не должна его открывать. Тебе нужно как можно скорее избавиться от него, ясно? И не выбросить, а уничтожить так, чтобы не осталось следов.

Линда не могла взять в толк, зачем такие ухищрения.

– Почему ты сам этого не сделаешь?

Бруно как будто не слышал вопроса.

– Я договорился с портье, он тебя пропустит.

Линда не стала настаивать, и Дженко уверился, что она сдержит слово. Он встал, надел льняной пиджак, посмотрел на часы. Шестнадцать – пора идти.

– Ты мне еще позвонишь? – Линда глядела на него глазами лани.

Бруно подошел, погладил ее по щеке:

– Вдруг я забуду, а ты подумаешь, что я помер...

– Главное, ты не забудь оставаться в живых. – Она взяла его руку, поднесла к губам и поцеловала. – Помни: пока дышишь, живи.

Ему понравилась простая, но светлая мысль, заключенная в ее словах: пока ты дышишь, не забывай жить.

– Будь спокойна: я должен кое-что сделать перед тем, как случится непоправимое... – И он направился к выходу.

Линда не знала, что и думать.

– Куда ты идешь?

Бруно обернулся, улыбнулся ей:

– В ад.

«Дом вещей» находился в ангаре, расположенном в промышленной зоне неподалеку от города. Кто-то взял в аренду бывший торговый склад и превратил его в огромное хранилище для частных лиц. За умеренную годовую плату можно было снять контейнер и поместить туда предметы, которые больше не нужны, – большей частью старую мебель и прочее барахло.

Бруно направился к въезду и, скорчившись в кабине «саа-ба», стал рыться в ящике под приборной панелью, ища ключ, открывающий шлагбаум. Нашупал его, воткнул в замочную скважину, расположенную на столбике, надеясь, что автоматика сработает.

Шлагбаум поднялся.

Оказавшись внутри, Бруно стал колесить по прямым дорожкам, проложенным между контейнерами. Он обнаружил, что в этом месте нашли приют не только предметы: кое-где металлические шторы были приподняты и в глубине контейнеров отмечались явные следы человеческого присутствия. Съемщики превратили склад во временное жилище. Бруно ничуть не удивился, феномен был ему хорошо знаком. Население «дома вещей» в основном состояло из субъектов мужского пола. Холостяки, потерявшие работу из-за кризиса, или разведенные мужья, которые выплачивали алимен-

ты и потому не могли себе позволить ни квартиры, ни даже комнаты. Попадались и разведенные, оставшиеся без работы. Бездна бедные. И озлобленные. Дженко чувствовал на себе их взгляды, полные стыда и гнева, — таясь в тени своих берлог, они подозрительно следили за продвижением «саба». Но в глубине души были, скорее, напуганы, ведь, если они утратят это убежище, им останется только улица.

Бруно подъехал к контейнеру, который снял много лет назад.

Вышел из машины, нагнулся, чтобы поднять тяжелую штору. Ее не открывали очень давно, и, сдвигаясь на высоту человеческого роста, штора издавала пронзительный металлический скрежет. Слепящий солнечный свет замер у края этой пещеры, будто не отваживался преступить черту. Скрип прекратился, пыль осела, Дженко вытер липкие руки о полы льняного пиджака и подождал, пока глаза привыкнут к полумраку.

Мало-помалу из тьмы выступили ряды полок до самого потолка. На одной выстроились в безупречном порядке пять серых картонных коробок, на каждой — этикетка с годом, номером кода и описанием содержимого.

Бруно не любил сюда приходить. В эту дыру он отправил, как в изгнание, постыдные доказательства своих немногих провалов. Вообще-то, в этих коробках содержалась часть его жизни. Ошибки, которые уже не исправить, упущенные возможности, огрехи, которые никто не смог или не захотел

простить.

Но может быть, кое-что еще можно сделать, сказал он себе. Поскольку вбил в голову, что должен оставить знак.

Выбрал коробку, третью по счету, вынул ее из ряда всех прочих, будто деталь из мозаики, поднял крышку и стал просматривать документы. Наконец нашел то, что искал.

Тощую папочку, где содержался листок, всего один.

Но как он и говорил Линде, этот лист бумаги мог оказаться ключом, дающим доступ в ад.

Руки. Руки другие. Это не мои руки. Это руки другой.

Но ведь она двигает пальцами по своей воле, значит обязательно должно найтись какое-то объяснение. Она больше не оборачивалась к зеркальной стене, не хватало духу. Но все смотрела и смотрела на руки, пытаюсь понять, как такое могло случиться.

Пятнадцать лет, а она и не заметила.

– Сэм. – Голос доктора Грина, пробившись сквозь пустыню безмолвия, оторвал ее от этих мыслей. – Сэм, ты должна довериться мне.

Он перевел взгляд на записывающее устройство. Вот он я, пришел.

– Понимаю, сейчас тебе все кажется абсурдным. Но если ты позволишь мне сделать мою работу, все придет в норму, обещаю. – Мужчина так и сидел рядом с постелью, он не торопился, давал ей время привыкнуть к мысли, что она уже не тринадцатилетняя девочка. – Лечение дает результат, твой организм очищается от наркотика, которым тебя опаивали. Память возвращается.

Она перевела взгляд на капельницу, прикрепленную к руке. В жидкости, которая просачивалась в кровь, содержались ответы, фотографии долгого-долгого кошмара.

Не знаю, хочу ли я вспоминать.

Доктор Грин, казалось, возлагал на нее большие надежды. Она вдруг осознала, что – странное дело – ей не хочется разочаровать его. Добрый ли это знак? В конце концов, они едва знакомы. Но нет, все хорошо. Ведь каждый раз, когда он повторял, что Саманта должна ему довериться, она полагалась на него чуть больше.

– Хорошо, – сказала она.

Грин казался довольным.

– Будем действовать постепенно, – начал он. – Человеческая память – своеобразный механизм. Она не похожа на этот магнитофон, недостаточно прокрутить ленту назад, чтобы еще раз прослушать запись. Более того: воспоминания часто накладываются одно на другое, смешиваются. Запись может оказаться неполной, в ней могут встретиться дыры, изъяны: сознание чинит их на свой лад, ставя заплатки, которые в действительности являются ложными воспоминаниями и могут все запутать. Поэтому нужно следовать некоторым правилам, чтобы отличить подлинное от ложного. Пока все понятно?

Она кивнула.

Грин выждал несколько секунд, потом продолжил:

– Теперь, Сэм, я хочу, чтобы ты вместе со мной вернулась в лабиринт.

Просьба привела ее в ужас. Она не хотела возвращаться туда. Нет, никогда. Она хотела оставаться в этой удобной постели, среди звуков наполненного движением мира, который

простирались за дверью ее палаты: больничные шумы, приглушенные голоса. *Умоляю, не возвращай меня в безмолвие.*

– Не волнуйся, на этот раз с тобой буду я, – заверил доктор.

– Хорошо... Пойдемте.

– Начнем с чего-нибудь простого... Я хочу, чтобы ты припомнила, какого цвета были стены.

Саманта закрыла глаза.

– Серые, – произнесла она без колебания. – Стены в лабиринте серые. – Картинка быстро промелькнула у нее перед глазами.

– Серые – какие? Светлые, темные? Гладкие или, скажем, в трещинах или в пятнах сырости?

– Везде одинаковые. Гладкие стены. – Ей показалось, будто она этих стен коснулась. На мгновение открыв глаза, заметила, как доктор Грин что-то записывает в блокнот. Его присутствие ободряло. Так же как и белоснежные стены больничной палаты, чуть подкрашенные синим неоновым светом, похожие на дно океана.

– Скажи мне, слышала ли ты какие-нибудь звуки?

Она покачала головой:

– Звуки не могут проникнуть в лабиринт.

– Чувствовала ли ты какие-то запахи?

Она попыталась поточней определить ощущения, молниеносно приходившие на память неизвестно откуда.

– Земля... Пахнет сырой землей. Еще плесень... – Она

сопоставила сказанное: нет ни окон, ни звуков, пахнет сыростью. – Это пещера.

– Ты хочешь сказать, что лабиринт находится под землей?

– Да... Мне кажется, да... Нет, я уверена, – поправила она себя.

– Кто дал ему такое имя?

– Я, – тут же призналась она.

– Почему?

Она вновь увидела, как бежит по длинному коридору, куда выходит множество комнат.

Помещение хорошо освещается неоновыми лампами, расположенными на потолке. Ей не холодно, но и не жарко. Она вышла босиком исследовать окружающий мир. Два ряда железных дверей, одна против другой. Некоторые открыты и ведут в пустые комнаты. Другие, наоборот, заперты на ключ. Она доходит до конца коридора и сворачивает направо: сцена повторяется. Еще двери, еще серые комнаты. Все одинаковые. Она все идет вперед, подходит к развилке. Какое ни выберешь направление, вскоре снова очутишься в исходной точке. Так, во всяком случае, кажется. Сориентироваться никак невозможно. По всей видимости, выхода нет. Входа тоже. Как я сюда попала?

– У места, в котором я нахожусь, нет конца. И нет начала.

– Поэтому там никто не живет, кроме тебя, – заключил доктор Грин.

– Это не похоже на дом, – уверенно заявляет она. Это ла-

биринт, сколько можно повторять.

Но Грин все хотел узнать досконально.

– Там, к примеру, есть туалет?

Маленькая, узкая каморка. Один только унитаз. И от него воняет. Ужасно воняет. Даже воду спустить нельзя. Она не хочет делать там свои дела.

– Я не хочу там делать свои дела, – смущенно произносит она, следя за реакцией Грина. – И терплю, все время терплю.

Но долго сдерживаться невозможно. Она хватается за живот, чувствуя, как теплые капли стекают в трусики.

– Почему ты не можешь сделать это – и дело с концом? – спрашивает доктор Грин. – Что тебе мешает?

– Мне стыдно, – признается она.

Она стоит и смотрит на унитаз – пожелтевшая, выщербленная керамика, ржавый ручеек вдоль стока. Тусклая пленка поверх застоявшейся воды. Ее коробит. Она переминается с ноги на ногу, уже не в силах терпеть.

– Почему тебе стыдно? – Потом он попробовал догадаться. – Ты в самом деле одна?

Услышав вопрос, Саманта вся похолодела.

Она взобралась на унитаз, стоит на корточках, едва удерживая равновесие, мочевого пузыря опорожняется, испуская мощную струю. Звук льющейся в унитаз мочи гулко отдается в пустом пространстве.

– Тебе удастся кого-то разглядеть, расслышать шаги?

Грин что-то записывает в блокноте, без комментариев.

Может быть, она разочаровала доктора. Может быть, следовало лучше объяснить, как обстояли дела.

– Лабиринт смотрит на меня, – выпалила она вдруг и тут же заметила, как при этом утверждении обострилось внимание Грина. В самом деле, доктор слегка повернулся к зеркальной стене, словно подавая знак полицейским, присутствовавшим при сцене. – Лабиринту известно все, – заключила она.

– Там телекамеры?

Она покачала головой.

– Тогда каким образом ему это удастся? Пожалуйста, объясни...

– Кубик, – сказала она. Но сразу увидела, что доктор ее не понимает. – Первая игра.

– Расскажи мне о ней.

– Я проснулась в том месте...

Несколько часов проблуждав в поисках помощи, она входит в одну из комнат и растягивается на полу. В изнеможении сразу же засыпает. Когда снова открывает глаза, не сразу вспоминает, где находится, – краткие мгновения спокойствия перед тем, как вернется страх. Предмет лежит на полу, в метре от ее лица. Знакомая вещь, принадлежащая прошлому. Разноцветный кубик. Зеленый, желтый, красный, белый, оранжевый и синий.

Я знаю, как он называется. Кубик Рубика, вот как.

– Шесть сторон. На каждой по девять клеточек. Все раз-

НЫХ ЦВЕТОВ.

– Знаю, – кивнул Грин. – Во времена моего детства эта игра была очень популярна. Ты не поверишь, но люди с ума сходили, пытаясь собрать цвета.

– Еще как поверю, – вздохнула она, поскольку и сама была близка к безумию. Но то, с чем для нее была связана вещица, отнюдь не представляло собой забаву.

Грин заметил ее волнение и чуть ли не попросил прощения.

– Продолжай, прошу тебя...

– Когда я его нашла, цвета были перемешаны.

Что ей с этим делать? Убивать время? Какая нелепость. Она не знает, где находится, кто ее сюда привез. Ей страшно. Она голодна. «Пожалуйста, я хочу вернуться домой». Никто не отвечает.

– Я сидела, забившись в угол, и глядела на эту штуку не знаю сколько времени. Не хотела даже дотрагиваться до нее. Стоит дотронуться, и случится что-то скверное: такое у меня было предчувствие. Но думала я только об одном: о том, что я здесь, и не могу выйти. И от этой мысли мне становилось плохо. Не было способа отделаться от нее. – Она помолчала. – А может, и был.

– Что ты тогда сделала?

Она подняла на доктора глаза, полные слез:

– Я взяла кубик.

Рассматривает его, потом начинает вращать разно-

цветные грани. Только затем, чтобы разогнать тоску, убить время, которое никак не хочет проходить. Страх глохнет изнутри, мешает сосредоточиться. Но мало-помалу напряжение ослабевает, ужас отходит на почтительное расстояние – отступает, хотя и недалеко. Теперь можно кое-как справиться с ним. Все внимание приковано к сочетанию цветов. И через несколько минут ей удастся собрать одну сторону, оранжевую. Она кладет кубик на пол, ужас возвращается, сжимает, словно в тисках. Она не сводит глаз с вещицы на полу. Что-то удалось довести до совершенства, хотя бы частично. Завершенная сторона – порядок, чистота. Это вселяет уверенность. Непременно должно найтись объяснение тому, что с ней происходит. И в этот момент ее обостренные чувства что-то улавливают.

Что-то изменилось.

Всего через несколько секунд рассудок распознает новый сигнал. Запах. Знакомый, так же как кубик. Она выбирается из угла, выходит в коридор. Оглядывается вокруг. Никого. Осторожно продвигается вперед, ищет. Руководствуется обонянием, хотя и боится, что это лишь галлюцинация. Вовсе нет: все взаправду. Останавливается на пороге одной из комнат. Железная дверь приоткрыта. Толкает ее рукой. Посередине комнаты – бумажный пакет.

Из «Макдоналдса».

– Гамбургер, кока-кола и жареная картошка, – перечисли-

ла она и добавила, к удовольствию Грина: — Много картошки.

Она забывает об осторожности, голод решает за нее. Бросается на еду, жадно поглощает ее. Не задается вопросом, откуда она взялась, кто ее купил. Усваивает первый урок.

Выживание.

Только насытившись, она начинает рассуждать. Возвращается в комнату, где оставила кубик: нужно дальше решать ребус. Бродит по длинным коридорам, склонившись над игрушкой. Хоть и не сразу, но сложила еще одну сторону — зеленую — и принялась за третью, красную. Не так-то легко справиться с тремя разными цветами. Проходя мимо какой-то комнаты, краем глаза замечает что-то. Возвращается и застывает на месте.

Награда за вторую сторону кубика — матрас с одеялами и подушкой.

За короткое время она добилась огромных успехов: желудок полон, больше не нужно спать на полу. Но третью сторону сложить трудней, чем она предполагала.

— Прошло, наверное, несколько дней, пока я не поняла, что сложить красную сторону не получится. Я себя переоценила. А значит, ни еды, ни воды.

— И что же было дальше? — спросил Грин. — Как тебе удалось выжить?

Она лежит на матрасе. Одежда ей уже велика, сил почти не осталось. Как давно она не пьет и не ест? Почти

все время спит, и ее мучают кошмары. Иногда сама не знает, во сне это или наяву. Не то чтобы ее терзал голод: она даже и не хочет есть. Но по животу то и дело пробегает судорога, будто желудок содрогается, рвется наружу.

Через какое-то время, может через несколько дней, припадки проходят. Но становится еще хуже. Ее одолевает жажда. Никто никогда не говорил ей, что жажда хуже голода. Потому что она лишает рассудка. Потому что, чувствуя, как иссыхает твоя плоть, ты думаешь только об одном: пить. Ты бы зубами выгрызла вены из запястий и стала сосать собственную кровь, только чтобы утолить эту жажду...

Она знает, что есть способ избавиться от наваждения, но до сих пор так и не прибегла к нему. Сама мысль об этом ей отвратительна.

Но если хочешь выжить, выбора нет.

Так, собрав последние силы, она тащится к каморке. Стоит перед гнусной чашей, глядя на мутную, вонючую жижу. Сначала опускает туда руку. Разгоняет липкие комки. Потом, закрыв глаза, зачерпывает, хотя при одной только мысли ее сотрясают рвотные позывы. Не думать. Не надо думать. Когда она была маленькая и разбивала коленку, стоило сосредоточиться, как боль исчезала. Теперь нужно забыть о вкусе. И она опускает губы в сложенную лодочкой ладонь. Начинает всасывать. Жидкость просачивается между губ и десен, она глотает, не задерживая гадость во

рту... Вернувшись в комнату, чувствует себя загаженной изнутри. Она еще жива. Но облегчения не наступает, ведь ясно, что ей придется сделать это еще раз.

А проклятый кубик лежит на подушке и пялится на нее. В бешенстве она хватается игрушку и принимается перемешивать стороны, которые уже собрала.

– Я сразу же пожалела об этом, расплакалась. В отчаянии бросилась ставить цвета на место.

– Мне очень жаль, – искренне посочувствовал Грин.

– У меня получилось собрать только зеленую сторону, потом я заснула... Когда я открыла глаза, в комнате стояла корзинка, в ней – холодный суп и бутылка теплой газировки.

Доктор кивнул:

– И как ты объяснила этот подарок?

– То был не подарок, – поправила она Грина. – Всякий раз, когда мне требовалось что-то простое – еда, чистое белье или зубная щетка, – достаточно было собрать первую сторону. Не знаю, какая радость была в том, чтобы заставлять меня играть в эту дурацкую игру, ведь собрать одну сторону довольно легко. Потом я поняла... – Она закрыла глаза, слеза скатилась по щеке и исчезла в кислородной маске. – Если бы я собрала все шесть сторон, он бы меня отпустил.

– Кто – он?

– Лабиринт, – ответила она.

– Это и произошло? Ты закончила игру и лабиринт освободил тебя?

Покачивая головой, она заплакала:

– Я так и не смогла собрать больше трех сторон.

Для целого света самой злободневной новостью стало появление Саманты Андретти. Для Бруно Дженко – то, что для него конец света еще не настал.

Пока он, открыв все окна, вел свой «сааб», по радио передавали песню «Take the Money and Run»² группы «Стив Миллер Бэнд». Несмотря на свое отчаянное положение, слушая ее, Бруно развеселился. Но веселье длилось недолго. Такая песня не для него, а для тех, кто еще может вообразить себе собственное будущее. Сам Бруно намертво встроен в настоящее. И в скором времени все для него останется в прошлом. Многие полагают, будто умирающий сожалеет о том, чего не сделал в жизни, вечно откладывая на потом. Но для Бруно тяжелее всего было то, что он не может уже наслаждаться маленькими радостями вроде беззаботной песенки, звучащей по радио.

Ибо каждый раз мог оказаться последним.

Преисполненный желчи, Дженко выключил радио и сосредоточился на дороге. Он выехал из города, направляясь вглубь региона, к болотам. По мере того как он удалялся от побережья, жара становилась все более угнетающей. Но Бруно отметил, что он хоть и погрузился в печаль, но перестал

² «Бери деньги и беги» (англ.).

бояться.

Саманта изменила все.

На самом деле дополнительное время, которое ему пода-рили, хотя он об этом и не просил, представляло собой не дар, а скорее пытку. Вот почему ему нужно было обрести ка-кую-то цель и постараться достичь ее за этот краткий срок перед неизбежным концом.

Последнее дело... Пока дышишь, живи, вспомнил он сло-ва Линды.

Рядом с ним на пассажирском сиденье трепетала на сквоз-няке обложка папки, которую он прихватил со склада. Доку-мент, лежавший внутри, – его единственная надежда.

Скоро он приедет на место, осталось немного. Интересно, объяснил ли профайлер, который работает с Сэм, насколь-ко изменился мир за время ее отсутствия. Может быть, она спросила о своей семье. Сказали ли ей, что мать не смогла справиться с горем? Хватило ли у кого-нибудь мужества рас-сказать, что шесть лет назад ее унесла страшная болезнь?

Пациентка, доставленная в больницу, была официально опознана как Саманта Андретти благодаря образцу ДНК, со-хранившемуся в деле об исчезновении. Иначе полицейские столкнулись бы с серьезной проблемой, поскольку отец Са-манты после смерти супруги уехал, чтобы начать жизнь за-ново, и следы его затерялись. Его искали, дабы сообщить, что его единственная дочь жива, но так и не нашли. И по всей видимости, новость, которую без конца повторяли по

телевидению, не достигла его.

То, что мужчина не объявился через несколько часов после первого выпуска, было для Дженко решающим доводом.

Пока он ехал по автостраде, лишь пара машин попалась ему навстречу. С тех пор как дорога углубилась в болотистые места, Дженко не встретил ни души. Полоса асфальта казалась подвешенной в воздухе: вокруг простиралась зеленая топь, неподвижная, как и низкорослая растительность, ее покрывавшая. Потом он проехал через густую рощу засохших берез, чьи почерневшие стволы отражались в стоячей воде. Блики скользили по ее поверхности, исполняя какой-то призрачный танец.

Бруно издали заметил патрульную машину, один из многих блокпостов, окружавших зону, где обнаружили Саманту. В машине было два агента, один вышел и жезлом подал знак поворачивать назад. Но Дженко не подчинился. Стараясь не возбуждать излишних подозрений, он сбавил скорость и положил обе руки на руль так, чтобы их было видно. Подъехав к блокпосту, подождал, пока полицейский с жезлом подойдет к окошку «сааба».

– Здесь проезда нет, вы должны немедленно повернуть назад, – заявил он непререкаемым тоном.

– Знаю, агент. Но прошу вас, выслушайте меня: дело важное. – Бруно знал, что просительная интонация – бальзам для ушей блюстителей закона. Как же ненавидел он ситуации, когда необходимо было лизать задницу полицейским.

– Ваши дела меня не интересуют. Рекомендую вам поступить так, как сказано, – проговорил полицейский, касаясь кобуры, висевшей сбоку.

Настоящий дуболом, с таким лучше не спорить.

– Я частный детектив, меня зовут Дженко. Если хотите, могу показать лицензию, она у меня в бумажнике.

– Проезд закрыт для всех, – твердил свое тупица в мундире.

– Но я не собираюсь проезжать, – возразил Бруно, на мгновение сбив спесь с собеседника. – Я должен переговорить с агентами Бауэром и Делакура. Не окажете любезность их позвать?

– Вряд ли они захотят, чтобы их отвлекали.

– Простите, агент, но позвольте с вами не согласиться. – Изысканные речи могли сослужить службу, чтобы запутать тех, кому они в новинку. – Думаю, я располагаю информацией по делу Саманты Андретти, которую вышеупомянутые агенты наверняка сочтут весьма полезной. – Бруно кивнул на папочку, лежавшую рядом. – У меня при себе документы, с которыми, как я полагаю, они должны немедленно ознакомиться.

Полицейский протянул руку:

– Дайте сюда, я передам.

– Не могу, они для служебного пользования.

– Раз они такие важные, вы должны отдать их мне.

– Повторяю: не могу.

Полицейский начинал терять терпение:

– Знаете ли вы, что я могу вас арестовать за препятствие правосудию?

– Нет, не можете, – заявил Бруно, выходя из роли законопослушного гражданина и сверля собеседника взглядом. – Согласно уставу, частный детектив, располагающий данными, полезными для полицейского расследования, лично отвечает за них, пока не вручит лицу, которому оное расследование официально поручено. Поэтому, при всем уважении, я не могу доверять их первому встречному агенту. Думаю, вам понятно?

Тупица несколько секунд постоял молча, все с тем же воинственным видом. Потом направился к служебной машине.

Никто не проронил ни слова долгие четверть часа, в течение которых Дженко выкурил пару сигарет, прислонившись к капоту «сааба»; агенты, стоя на противоположной стороне автострады, не спускали с него глаз. Только с болот доносился стрекот цикад.

Потом вдали, на дороге, линия горизонта затрепетала.

Вскоре из жаркого разреженного воздуха высунулась морда коричневого лимузина. Словно мираж в пустыне. Рокот мотора еще не доносился до блокпоста. Машина мчалась на полной скорости, поднимая вокруг себя облако пыли.

В ней сидят крутые парни, предположил Дженко.

Лимузин резко затормозил, из него вышли два крепыша

в рубашках и галстуках. Блондин, будто с обложки глянцевого журнала, и смуглокожий, с ангельским выражением лица: типичная пара полицейских из телесериала, подумал Бруно, едва завидев их.

– Раздумываю, дать ли тебе пинка под зад или начистить рыло, – тут же набросился на него Бауэр. – Если ты собирал улики без нашего ведома, я могу упечь тебя за решетку даже без судебного постановления, – пригрозил он.

Делакруа пока не вмешивался, всего лишь оценивал ситуацию, готовый вступить в любой момент. Агентов из патрульной машины эта сцена забавляла. Бруно просто читал их мысли: давай расхлебывай, частный детектив.

– Спокойно, ребята. – Бруно изобразил самую примиряющую улыбку. – Никто здесь ничего не расследовал, не проявлял никакой инициативы, понятно? Я просто выполняю свой долг честного гражданина. – Он осознавал, как раздражает полицейских такой легкомысленный тон. Но нужно было заставить их поверить, что у него в руках важная информация.

– Дженко, мой тебе совет: выкладывай, что у тебя есть, и исчезни, – вмешался Делакруа. – И без тебя сегодня день не задался.

– Пожалуйста, выслушайте, – заговорил Бруно нарочито умоляющим тоном.

– У нас нет времени.

– Всего пять минут, прошу вас.

Бауэр сильно вспотел и весь побагровел от бешенства.

– Будет лучше для тебя, если дело действительно важное.

Бруно подошел к пассажирскому месту, сунул руку в открытое окошко и взял папку. Направляясь обратно к полицейским, раскрыл ее и вытащил лежавший там листок. Затем протянул его Делакура.

– Что это? – презрительно буркнул тот, даже не глядя.

– Договор.

Оба полицейских, оторопев, опустили взгляд на листок и прочли короткий текст.

Дженко, не дожидаясь реакции, изложил суть дела:

– Пятнадцать лет назад, когда вы, агенты, ловили бабочек сачком, родители Саманты Андретти обратились ко мне, чтобы я помог пролить свет на исчезновение их единственной дочери.

Он до сих пор помнил день, когда они встретились за столиком битком набитой забегаловки в понедельник утром. Сэм пропала несколько недель назад, и они не спали бог знает сколько ночей. Супруги держались за руки. Объяснили, что его координаты им предоставил полицейский из Управления. Дал понять, что если не попробовать другие пути, кроме официального, то, скорее всего, не так уж много надежды выяснить, что случилось с их девочкой.

Жалостливый полицейский говорил правду: возможности раскрыть дело об исчезновении таяли с каждым часом. По прошествии трех дней они практически сводились к нулю. Разумеется, если полицейские не напали на след. Но в случае

Саманты не нашлось ни улик, ни свидетелей. Казалось, она растворилась в лучах бледного солнца холодным февральским утром по дороге в школу.

Бруно не занимался поиском пропавших детей, к тому же прошло слишком много времени. Через пару недель следы затаптываются, воспоминания очевидцев искажаются. Он пытался втолковать это супругам, но те стояли на своем: «Мы знаем, что вы – хороший сыщик, мы получили прекрасные отзывы. Умоляем, не оставляйте нас мучиться сомнениями». Так сказал отец Саманты.

Одно из основных правил в работе частного детектива – никогда не сочувствовать клиенту.

Может, это звучит цинично, однако Дженко хорошо знал, как важно не поддаваться эмоциям, подвигшим заказчика заказать расследование. Ненависть или жалость заразительны. Они зачастую препятствуют работе рассудка, который должен оставаться здоровым и беспристрастным. Порой избыток чувств даже опасен.

Один тип украл у начальника деньги для лечения жены, больной раком. Бруно выследил его, но, движимый состраданием, дал время, чтобы тот собрал похищенную сумму и вернул ее законному владельцу. Только вот он недооценил решимость вора, который ради спасения любимой жены не колеблясь обманул его и снова пустился в бега.

Дженко отдавал себе отчет, что в деле Андретти он сильно рискует. Поэтому взялся за расследование на совершен-

но особых условиях. «Вы мне заплатите по удвоенному тарифу, авансом. Не станете мне звонить и спрашивать, как идет расследование, я не буду обязан перед вами регулярно отчитываться. Я сам свяжусь с вами, когда буду готов что-либо сообщить. Если не проявлюсь через месяц, знайте, что я ничего не нашел».

Супругов несколько смутили подобные условия: собственно, Дженко и надеялся, что это их отпугнет. Однако, к его великому удивлению, они без звука подписали договор, который сейчас находился перед глазами Бауэра и Делакруа.

– И что эта хрень означает? – Блондин вперил в Дженко яростный взгляд.

– То, что, согласно этому документу, меня наняли вести это расследование.

– Договор старый, прошло слишком много времени, – спокойно проговорил Делакруа, возвращая сыщику листок.

Но Бруно не сдавался:

– Ты, наверное, шутишь? Договор не имеет срока давности: он действует, пока его не расторгнут.

Бауэр хотел было наброситься на него, но Делакруа остановил напарника движением руки.

– Ну, поскольку Саманта Андретти нашлась, мне кажется, что в твоих услугах больше нет надобности. Но если ты хочешь продолжать поиски, действуй... – Почуввав издевку, блондин сменил гнев на милость и расхохотался. А Делакруа вновь попытался вернуть Бруно листок.

Но и на этот раз Бруно его не принял.

– В новостях говорится, что Сэм была найдена позавчера ночью случайно проезжавшей мимо патрульной машиной. Но мне стало известно об анонимном сигнале – как это объяснить?

Ухмылка моментально исчезла с лица Бауэра. Зато Дела-круа оставался невозмутимым.

– Понимаю: популярность полиции может упасть оттого, что в свое время поиски девочки проводились не на должном уровне, – подлил масла в огонь Бруно. – Но приписать себе чужие заслуги, выставить героями двух случайных патрульных – это, честное слово, уже чересчур. – Говоря это, он перевел взгляд на полицейских у патрульной машины; те, расслышав, что речь идет об их коллегах, смущенно отвернулись.

– Мы ничего не обязаны объяснять и не должны делиться с тобой закрытой информацией. – Не теряя апломба, Дела-круа давал понять, что шутка слишком затянулась.

– Вот тут ты ошибаешься, – возразил Дженко и ткнул пальцем в договор. – Согласно статье одиннадцать, пункт бэ, родители Саманты поручают мне представлять их перед полицией; кроме того, назначают меня опекуном их дочери в отсутствие других родных.

Данная клаузула предусматривала, что в случае, если он отыщет в то время несовершеннолетнюю девочку, на него возлагается ответственность за ее безопасность до тех пор,

пока он не доставит ее домой. Ничего подобного не произошло, но теперь этот юридический казус мог оказаться полезным для других целей.

– Соглашение недействительно, – запротестовал Бауэр с обычным пылом. – Саманта совершеннолетняя. Кроме того, ее мать умерла, а отца невозможно найти.

– Хотя Саманта и достигла совершеннолетия, следует установить, дееспособна ли она. По правде говоря, я в этом сомневаюсь, имея в виду пережитое потрясение... Остается отец. Но пока вы его не найдете и пока он лично не расторгнет договор, в мою задачу входит как можно лучше представлять интересы моей клиентки Саманты Андретти.

Делакруа был не таким импульсивным, как коллега, и гораздо более практичным.

– Мы сейчас поедem к судье и аннулируем твой договор. Не думаю, что его придется долго уговаривать: достаточно взглянуть на тебя.

Все верно, Дженко это понимал: судья примет его благие намерения за попытку извлечь выгоду из дела пятнадцатилетней давности. Поэтому он сделал вид, будто пришел в замешательство, но следующий ход был заранее продуман.

– Ну хорошо, предлагаю вам сделку.

Агенты молча ожидали продолжения.

– В моем архиве лежит толстенная папка с результатами расследования, которое я проводил пятнадцать лет назад.

Бруно надеялся, что столь убедительная ложь произведет

раскол между напарниками. На самом деле упомянутая папка содержала только тот листок, который находился у них перед глазами. Потому что дело Саманты Андретти было самым гиблым из всех, какие ему попадались. Точно так же, как и полиция, Дженко не обнаружил ровным счетом ничего.

Так не бывает, чтобы человек действовал, не оставляя следов. Особенно если речь идет о преступлении.

Этот урок целиком и полностью должен был усвоить любой частный детектив. Более того: можно сказать, что все его ремесло основывается на этом простом тезисе и еще на одном золотом правиле.

Идеальных преступлений не бывает, бывают далекие от идеала расследования.

Вот почему среди немногих провалов в карьере Бруно Дженко дело Андретти представляло собой самый сокрушительный. Ибо он за все это время начал сомневаться даже в том, а был ли вообще похититель.

Самый удачный трюк монстра – убедить всех, что его не существует.

– Ты нам предлагаешь обмен? – осведомился Бауэр. – Я тебя правильно понял? Ты нам отдаешь свою папку, а мы позволяем тебе совать нос в наше расследование – ты этого хочешь?

– Нет, – поправил его Делакруа, который сразу раскусил, в чем истинная природа соглашения. – Он предлагает прикрыть нашу задницу...

Дженко кивнул.

– Моя папка содержит показания свидетелей, которых полиция не выслушала; улики, никем не собранные; ряд многообещающих направлений, которые были в свое время необъяснимым образом проигнорированы... Одним словом, доказательства того, что в Управлении слишком быстро забросили это дело. – Бруно выложил все карты на стол. – Вот будет жалость, если СМИ заполучат эти бумаги. С другой стороны, я, как законный опекун Саманты, просто обязан использовать все средства, чтобы пролить свет на некоторые туманные аспекты этого прискорбного происшествия.

Напарники замкнулись в суровом молчании.

Бруно знал, что не рекомендуется припираться к полицейским к стенке, ведь рано или поздно они отыграются. Поведение Бауэра и Делакура не предвещало ничего хорошего. Чистое безумие – просить у них разрешения принять участие в полицейском расследовании. Они никогда не согласятся, мало того – подобная претензия может доставить одни только неприятности. Тем более что шантаж основывался на блефе. Поэтому сыщик решил продолжить переговоры.

– У меня нет ни малейшего намерения предавать гласности материал, которым я располагаю, – заверил он абсолютно невозмутимо. – Мне ли не знать, что, если я так поступлю, ничто не помешает вам расправиться со мной. Я не такой дурак... Я попрошу вас об одном маленьком одолжении, потом исчезну, даю слово.

– Я бы не предоставил ему ничего, – заявил Бауэр, обращаясь к коллеге. – Хотел бы я посмотреть, хватит ли у засранца духу выболтать все журналюгам.

Вероятно, у блондина уже чесались руки, он предвкушал момент, когда можно будет дать им волю. Но ты ничего не можешь мне сделать, думал Дженко, глядя прямо в его коровьи глаза. Вот в чем одно из немногих преимуществ скорой смерти. Неизбежный конец придает тебе супермогущество. Делает неуязвимым.

– Согласен, – неожиданно проговорил Делакруа. – Чего ты хочешь?

Бруно повернулся к нему:

– Я хочу прослушать запись анонимного звонка.

Временная база оперативного штаба, координировавшая поиски тюрьмы, в которой держали Саманту Андретти, была развернута в самом центре заболоченной зоны, на площадке, где еще сохранился остов заброшенной станции техобслуживания. С каждым годом топь поглощала все больше и больше твердой земли, изгоняя всех, кто пытался бросить вызов этим негостеприимным местам.

Даже в присутствии полицейских место остается зловещим, подумал Дженко.

Стоило выйти из машины, как голова у него закружилась от неистового людского водоворота: эксперты и агенты так и сновали между палатками и фургончиками.

На болоте работали разные следственные группы, с плавсредствами и служебными собаками. Вместе с оперативниками трудились эксперты-криминалисты: сидя в передвижных лабораториях, они исследовали все, что удавалось собрать. Там, где раньше стояли бензоколонки, расположился вертолет, готовый взлететь, чтобы осмотреть территорию сверху.

Бауэр и Делакруа, которые показывали Бруно дорогу, вышли из своей машины и направились к нему.

– Ты ведь понимаешь, как тебе повезло, правда? – напомнил ему блондин. – Полицейским, вообще-то, не пристало

идти на поводу у гнусных шантажистов.

Дженко улыбнулся, собираясь ответить шуткой, но тут их прервали.

– Делакруа! – позвал кто-то раздраженным тоном.

Бруно обернулся и увидел мужчину в синем костюме, при галстукe: он подходил все ближе с видом далеко не дружеским. При нем был крупный лохматый пес.

– Я мигом, – бросил Делакруа и направился навстречу незнакомцу.

Бауэр потянул Дженко за рукав и буркнул:

– Пошли.

Пока они удалялись, Бруно не переставал следить за тем, что происходило между другими двумя.

– Никто даже не отвечает на мои звонки, – жаловался незнакомец. – Когда вы начнете искать ее?

Интересно, промелькнуло в мыслях у Дженко, кого он имеет в виду? Кого нужно искать? Саманта Андретти нашлась. Но тут пес залаял, и слов стало не разобрать.

– Тихо, Хичкок! – приказал хозяин.

Дженко замедлил шаг: хотелось услышать, о чем эти двое так оживленно спорят.

Тем временем Бауэр с нетерпением ждал его у лесенки, ведущей в фургон.

– Ну, ты идешь или как?

Внутри фургона разместили сложнейшую аппаратуру, с помощью которой в данный момент исследовалась запись анонимного звонка. Звуковой файл был преобразован в разноцветные диаграммы, которые светились на мониторах компьютеров. Четыре эксперта пытались разобрать отдельные звуки, погруженные в фоновый шум, надеясь найти хоть какое-то указание, которое помогло бы определить личность человека, совершившего звонок.

Любая из вершин диаграммы могла скрывать в себе посторонний голос, или колокольный звон, или, если им по-настоящему повезет, даже имя. Целью было определить место, откуда совершен звонок, чтобы потом поискать возможных свидетелей, которые могли бы предоставить описание неизвестного.

Целых пять минут Дженко, скрестив руки, оглядывался по сторонам, не в силах усидеть спокойно во вращающемся кресле. Бауэр, стоя, не сводил с него глаз: его явно раздражало это беспрестанное верчение. Но ни один из двоих не проронил ни слова, пока не вернулся Делакруа.

– Извините, – поднявшись в фургон, пропыхтел полицейский, весь в поту. Набрав воды из кулера, обратился к коллеге: – Ты ему что-нибудь объяснил?

– Еще нет.

Делакруа взял стул и уселся напротив Дженко.

– Разумеется, все, что мы тебе расскажем, – конфиденциальная информация. – Он взял у Бауэра бланк и авторучку. – Если хоть полслова просочится в прессу, я приду прямо к тебе.

– Остается рассчитывать, что никто из здешних полицейских не берет взятки у журналистов, – съязвил Бруно, потом подписал бланк и вручил его блондину.

– Звонок произвели с украденного мобильного, – начал рассказывать Делакруа. – Потом его отключили, может, и уничтожили, так что отследить, кому он принадлежит, не удастся.

– Саманта Андретти к тому же находилась в двенадцати километрах от соты, в которой зафиксирован звонок, – добавил Бауэр. – Стало быть, тот, кто ее нашел, долгое время размышлял, сообщать или не сообщать полиции.

– То есть вы не думаете, что звонил сам похититель? – спросил Бруно, хотя и сам уже отбросил предположение, будто монстра что-то подвигло на акт милосердия, после того как он пятнадцать лет держал девушку в заточении и издевался над ней невесть какими способами.

– Такую возможность мы исключили, ибо, судя по тембру, голос принадлежит молодому человеку, который в момент похищения едва достиг подросткового возраста, – пояснил Делакруа. – Но не исключено, что говорил сообщник, который раскаялся в содеянном или стал опасаться, что их обна-

ружат.

Кабинетных версий полно, подумал Дженко. Но такое впечатление, что следствие топчется на месте. Двое агентов, кажется, хорошо сработались, кто знает, может быть, это у них такая тактика, а на самом деле они умалчивают о самом важном.

– Теперь можно мне прослушать запись?

Бауэр сделал знак одному из экспертов, и тот включил запись. С кассет тут же поплыл шорох, прерываемый характерными ритмичными гудками входящего звонка.

– *Экстренная служба*, – ответила дежурная.

– *Хм... Мне нужно поговорить с полицией*, – мужской голос, нерешительный.

– *В чем дело, сэр?* – невозмутимо осведомилась дежурная. – *Скажите мне, что произошло, и я вас соединю с полицией.*

Звонивший немного помолчал.

– *Тут женщина, раздетая, кажется – раненая. Похоже, сломана нога: ей требуется помощь.*

Дежурная привыкла сохранять спокойствие, поэтому спросила нейтральным тоном:

– *Дорожно-транспортное происшествие?*

– *Не знаю... вряд ли... Поблизости никаких машин.*

– *Вы знаете эту женщину? Она ваша родственница?*

– *Нет.*

– *Знаете ее имя?*

– Нет...

– Где находится человек, нуждающийся в помощи?

– Хм... Где-то на пятьдесят седьмом километре, точнее не скажу. По дороге, которая проходит через болота, в северном направлении.

– Она в сознании?

– Думаю, да, мне показалось, что да...

– Вы сейчас рядом с ней?

Молчание.

– Сэр, вы меня слышите? Вы сейчас рядом с той женщиной?

После минутного колебания:

– Нет.

– Назовите себя, пожалуйста.

Мужчина вышел из себя:

– Послушайте, я вам все сказал, дальнейшее меня не касается...

Связь внезапно прервалась. Звонивший отключил телефон.

Эксперт выключил запись. Бауэр и Делакура повернулись к Бруно, давая понять, что он получил желаемое и добавить к этому нечего.

Но Дженко не унимался.

– Если это не похититель и не сообщник, почему он не назвал себя? – Он и раньше задавался этим вопросом. – Зачем таиться в тени?

– Если бы мы даже и знали, то, уж наверное, не стали тебе рассказывать, – ответил Бауэр.

Бруно это проигнорировал, потому что Делакруа вдруг вроде бы заинтересовался его мнением.

– Девушку обнаружили глубокой ночью, – продолжал частный детектив. – Но кто ездит по болотам глубокой ночью? И с краденым мобильником? – На самом деле под подозрение попадали две категории граждан, и все, кто присутствовал в фургоне, уже пришли к тому же выводу, что и Дженко. – Торговцы наркотиками и браконьеры.

– Человек, которому есть что скрывать, который ни за что не назовет свое имя по телефону экстренной службы, – подтвердил Делакруа.

Такой ответ, однако, не совсем устраивал Бруно. Он уловил кое-что еще.

– Можно еще раз прослушать запись? – попросил он, протискиваясь к аппаратуре.

– Зачем? – завопил Бауэр, не готовый идти на уступки. Дженко обратился напрямую к Делакруа, просительно протягивая руки. Коллега, не столь глухой к доводам разума, кивнул эксперту.

Запись включили снова.

На этот раз Бруно попытался как можно точнее запомнить голос неизвестного, во всех деталях, модуляциях и оттенках.

Выговор местный, характерная хрипота заядлого курильщика, нечетко произносит нёбные согласные.

Он не ошибался. Улавливалось что-то темное за его речью. Трепет, который никакая технология распознать не может. Не простое опасение, что тебя обнаружат и обвинят в незаконной деятельности, например в торговле наркотиками или браконьерстве. Тут что-то другое, у Дженко уже не оставалось сомнений.

Ужас.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

– Уверен?

– С тех пор как мы расстались сегодня днем, ничего не изменилось...

Спустился вечер, и на болотах вместо цикад застрекотали сверчки. Жара была по-прежнему нестерпимой, но взошла полная луна. «Сааб» стоял на обочине, скрытый под густыми ветвями плакучей ивы. Бруно позволил себе краткую передышку и позвонил Линде.

– Ты хоть поел?

– Еще нет, но поем, обещаю.

То, что подруга так беспокоится, стало для Дженко приятной неожиданностью: никого никогда не заботило, что с ним и как он себя чувствует. Может быть, потому, что он всегда держал людей на расстоянии. И ни разу не пожалел о выбранной позиции, даже узнав от врачей, что надежды нет. Самокопание не для Бруно Дженко. Сожаления тоже. Только один-единственный укор совести.

– Что там, в сейфе номера сто пятнадцать в отеле «Амбрус»? – неожиданно спросила Линда.

Бруно промолчал, желая на этом закончить разговор. Но Линда не имела такого намерения.

– Целый день об этом думаю... Раз уж я должна это уничтожить, ты обязан ответить на вопрос: что в запечатанном пакете?

Сыщик положил руку на руль; мобильник в другой руке вдруг сделался неимоверно тяжелым.

– Никто не заставляет тебя это делать, – проговорил он непривычно жестко. – Просто я думал, что могу на тебя положиться.

– Мне известен номер комнаты и шифр, я хоть сейчас могу пойти туда и открыть пакет, – стояла она на своем.

– Этот пакет не имеет к тебе никакого отношения.

– Скажи, почему у меня складывается впечатление, будто ты от меня многое скрываешь?

Потому что, по правде говоря, я напуган. Но он не сказал этого Линде, а закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Расслышал, как она плачет.

– Ты спас мне жизнь: понимаешь ли, что это значит? А я сейчас не могу сделать то же самое для тебя... Можешь ли ты вообразить, что я чувствую?

Нет, он никак не мог себе это вообразить. Не слишком-то он разбирался в чувствах, это никогда не было его сильной стороной. Тут мимо его окошка промчался черный фургон. Дженко взглянул на часы, мысленно сделав пометку: двадцать один час шесть минут.

– Мне пора ехать, – сказал он в трубку.

– Пока дышишь... – напомнила Линда, шмыгнув носом.

Бруно так и видел ее перед собой: в шелковом обтягивающем кимоно свернулась калачиком на постели при свете свечи.

– Именно, – подтвердил он, охваченный нежностью, и прервал связь.

В сотне метров от него находился «Дюран», заведение под неоновой вывеской, обещавшей бильярд и спутниковое телевидение для просмотра спортивных каналов. На парковке скопилось около двадцати машин, большей частью внедорожники и пикапы.

Похоже, там полный сбор.

Последние три часа Дженко наблюдал за развитием событий. Слежка из машины представляла собой самую трудную часть его работы. Она могла продолжаться неделями. В кино частные детективы, чтобы убить время, решают кроссворды и пьют кофе из термоса. Но настоящие профессионалы знают, что из-за малейшей рассеянности могут пойти насмарку долгие часы наблюдения, а кофеин способствует мочеиспусканию.

Терпения тут мало: нужна дисциплина. Главная проблема не скука, а рутина. Когда столько времени имеешь перед глазами одно и то же, начинаешь привыкать к однообразию и рискуешь чего-то не заметить.

Дженко и вообразить не мог, что потратит на слежку часть времени, которое подарило ему больное сердце. Примятое сиденье «сааба» – наглядное свидетельство того, сколько

жизни ушло на ожидание в собственной машине.

Однажды ему поручили отыскать должника. В отличие от кредиторов, которые его наняли, Бруно был уверен, что тот человек не покидал город. Сыщик устроился перед его домом и двадцать долгих дней только и делал, что наблюдал за окнами и входной дверью. Родственники должника входили и выходили в любые часы дня и ночи, но он не показывался. Тогда Бруно решил выманить его из норы. Две вещи мотивируют любое человеческое существо, порой заставляя его терять разум. Секс и деньги. Хватило того, что Дженко позвонил жене должника, представившись сотрудником иностранного посольства. Он сообщил женщине, что некий дальний родственник, эмигрировавший много лет назад, завещал ее мужу определенную сумму денег. Но наследнику необходимо лично явиться в офис, чтобы принять завещанное и исполнить все бюрократические формальности. Через час должник вышел из дома.

Пока он припоминал этот случай, черный фургон, недавно проехавший мимо, вернулся с противоположной стороны. На этот раз затормозил перед парковкой «Дюрана», чуть ли не остановился. Через несколько секунд отъехал на большой скорости. Когда фургон проехал мимо «сааба», Бруно засек время: двадцать один час тридцать одна минута.

Он прикинул, что имеет максимум двадцать пять минут в запасе.

Бруно припарковался перед «Дюраном», вышел из машины и направился ко входу в заведение.

Сыщик переступил порог, и как минимум дюжина человек уставились на него с подозрением. Оно и понятно. В светлом льняном костюме, бледный, подавленный, Дженко явно выделялся среди крепышей в клетчатых рубашках, сапогах и бейсболках.

Над барной стойкой плавало серое облако сигаретного дыма. Музыку фолк, звучащую из стереосистемы, время от времени заглушал стук бильярдных шаров.

Неизвестного, который нашел Саманту Андретти, полиция определенно искала среди тех, кто часто посещал болота. Из разговора с Бауэром и Делакура явствовало, что речь могла идти только о торговце наркотиками или браконьере. Дженко поставил бы на второй вариант. Еще и потому, что для торговцев наркотиками риск засветиться и провести несколько лет в тюрьме не стоит спасения какой-то там женщины.

– Что тебе принести? – спросила молодая официантка, одетая в камуфляжную майку и вся покрытая татуировками.

– Горькое пиво и текилу, – ответил Бруно, но не стал садиться в ожидании заказа. Наоборот, встал перед большим экраном телевизора, по которому передавали футбольный

матч.

Звук был отключен, и он мог делать вид, будто его интересует встреча, одновременно следя за тем, что происходит вокруг, а главное, давая завсегдатаям возможность привыкнуть, притерпеться к незнакомцу. Чуть погодя официантка принесла выпивку. Бруно сразу проглотил текилу и принялся бродить по залу с бокалом пива в руке.

Он ощущал враждебность прочих посетителей: люди с бо-лот, свыкшиеся с тяготами жизни, не обучены хорошим манерам, особенно по отношению к чужакам. Бруно зашел в бильярдную, словно бы интересуясь игрой, но на самом деле разглядывая лица игроков.

«Дюран» был не только единственным увеселительным заведением в округе, но и местом встречи браконьеров, промышлявших охотой или рыбной ловлей. Но Дженко вовсе не был уверен, что человек, которого он ищет, находится здесь, в зале. И все же то, что черный фургон дважды проехал мимо заведения, подтверждало, что сыщик на правильном пути.

«Вероятность, что говорит похититель, мы исключили, ибо тембр голоса принадлежит молодому человеку, который во время похищения был еще подростком», — заявил Дела-круа. И Дженко исключил из числа присутствующих всех, кто был старше тридцати пяти лет. Осталось с десятков человек: все равно многовато. Чтобы сузить круг подозреваемых, он стал вслушиваться в разговоры, пытаясь уловить знакомую интонацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.